

**ЛЕВ
СЛАВИН**

ИЗБРАННОЕ

Лев Исаевич Славин
Последние дни
фашистской империи
Серия «Рассказы и очерки»

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158760

Лев Славин «Избранное»: Художественная литература; Москва; 1981

Аннотация

Смерть фашистской империи лишена величия. Искусство трагика не прикаснется к этому сюжету. В нем нет ничего возвышенного. Это не трагедия, это кровавая истерика. Гитлеровская Германия умерла, как и жила, во лжи, в крови и в грязи.

Содержание

I. БЕРЛИН ИЗНУТРИ	5
1	5
2	11
3	14
4	20
5	25
6	31
7	34
8	37
9	40
10	43
11	45
12	50
13	55
14	58
15	62
II. КАК ОНИ КАПИТУЛИРОВАЛИ	65
1	65
2	69
3	72
4	76
5	80
6	83

7

85

8

89

Лев Славин

Последние дни фашистской империи

I. БЕРЛИН ИЗНУТРИ

1

Смерть фашистской империи лишена величия. Искусство трагика не прикоснется к этому сюжету. В нем нет ничего возвышенного. Это не трагедия, это кровавая истерика. Гитлеровская Германия умерла, как и жила, во лжи, в крови и в грязи.

Судьба благоприятствовала мне. Проведя четыре года на войне, я увидел конец ее в Берлине. Личные наблюдения, допросы и другие материалы позволили составить некоторое представление о предсмертных минутах фашистского режима. Я расскажу здесь о восьми последних днях гитлеровского Берлина.

Что же происходило внутри германской столицы, когда бои шли на ее подступах?

Берлин был разделен на девять секторов обороны. Восемь

из них обозначались буквами алфавита: «А», «В», «С» и т. д. Девятый, расположенный в центре Берлина, назывался «Цитадель». Гитлеровцы считали его неприступным. Это был мозг фашистского Берлина: район правительственных зданий и парк Тиргартен.

Каждый сектор защищал гарнизон численностью до двадцати четырех тысяч человек. Начальники участков назначались лично Гитлером из числа офицеров, которым он особенно доверял. Так, участком «А» командовал некий Фенгер, любимец Гитлера, произведенный им из солдат в подполковники, – боевые заслуги при этом роли не играли. Но так как оказалось, что для защиты Берлина недостаточно одних изъявлений преданности, а нужен еще и боевой опыт, то в самые последние дни начальником обороны Берлина был назначен человек, далекий от гитлеровского окружения, – генерал артиллерии Вейдлинг.

Правда, боевой опыт генерала на Восточном фронте был несколько односторонним, хотя, вообще говоря, Гельмут Вейдлинг был старым боевым офицером. Во время первой мировой войны он командовал дирижаблем «Цеппелин». В войне 1939 года с Польшей он был командиром артиллерийского полка. Во французской кампании 1940 года – начальником артиллерии армейского корпуса. Участник боев на Балканах.

Что же касается Восточного фронта, то здесь в 1941 – 1942 годах он отступал от Москвы. В 1943 году, командуя

дивизией, отступал от Курской дуги. В 1944 году, командуя 9-й армией, бежал от Бобруйска, бросив свои разгромленные войска в котле. В 1945 году, сниженный в должности до командира корпуса, отступал из Восточной Пруссии. Позже, в апреле, со своим танковым корпусом отступал от Одера, откуда, собственно, и началась великая битва за Берлин. И, наконец, Вейдлинг – последний защитник столицы.

По своей новой должности генерал Вейдлинг ежедневно бывал с докладом у Гитлера и его министров. Для этого он каждый вечер спускался в комфортабельное многоэтажное убежище под Новой имперской канцелярией, откуда фашистские заправилы пытались руководить уже фактически несуществовавшей империей. Каков контраст! Еще недавно им принадлежала Европа. Теперь в их распоряжении было несколько подвалов, окруженных пылающими развалинами Берлина. Из слов Вейдлинга можно было понять, что и в этой подземной мышеловке Гитлером продолжала владеть мания величия и болтливость. Он не переставал издавать приказы, которые уже некому было исполнять. Он царствовал в безвоздушном пространстве.

Вейдлинг – высокий смуглый старик лет под шестьдесят, опущенный седовато-русые волосы. Манеры его отличаются той напряженностью, которая свойственна многим немецким военным. Даже доходя до самых драматических моментов этой истории, Вейдлинг мало оживает и продолжает повествовать в духе все той же монотонной торже-

ственности.

Впрочем, он проявил несколько больше здравого смысла, чем другие, сообразив 2 мая, что самое благоразумное в его положении – сдаться в плен.

Мне было тем более интересно знакомиться с показаниями генерала Вейдлинга, что 2 мая я был на месте происшествия – в Новой имперской канцелярии, только что захваченной нашими частями. Даже сквозь свежие следы боев были явственно различимы признаки величайшей растерянности, владевшей защитниками этого центрального правительственного учреждения Германии. Неожиданное применение получила личная библиотека Гитлера. Ее книгами были забаррикадированы широкие окна имперской канцелярии. На книгах – экслибрисы Гитлера и надписи от авторов «фюреру». Всюду валялись растерзанные гранатами экземпляры «Майн кампф». Судя по их количеству, любимым автором Гитлера был Гитлер.

В саду, при канцелярии, изрядно побитом снарядами, но где все же местами цвела сирень, валялись трупы самоубийц – штабных работников, эсэсовцев и гестаповцев. Его так и называли: «Сад самоубийц».

Карьера пришла к генералу Вейдлингу слишком поздно. Он был назначен командующим обороной Берлина 24 апреля, то есть за восемь дней до падения Берлина. Он принял это назначение, по его словам, неохотно. Не только потому, что хорошо знал переменчивый нрав самовлюбленного ти-

рана, не только потому, что назначение это произошло, так сказать, в порядке панических поисков «верных людей», а главным образом потому, что, как старый, опытный солдат, Вейдлинг понимал, что положение Берлина безнадежно.

Однако он не посмел уклониться. Он знал, что Гитлер скор на расправу. Он хорошо помнил, как год назад Гитлер приказал расстрелять его за катастрофу 9-й армии под Бобруйском. Расстреливали и за меньшее, особенно в последнее время. Иногда просто за расхождение с Гитлером в вопросах военной тактики. Другие пленные генералы рассказывали:

– Пока германская армия побеждала, Гитлер приписывал эти победы себе. Когда германская армия начала терпеть поражения, Гитлер приписывал эти поражения генералам. Между тем, что мы могли? Гитлер, забрав в свои руки высшую военную власть, парализовал действия армии. Руководителем ОКВ (верховного командования) считался генерал-фельдмаршал Кейтель. Офицеры насмешливо прозвали его – Лакейтель... Еще у него было ироническое прозвище – начальник имперской бензоколонки. Ибо власть его фактически распространялась только на запасы бензина... А на фронте дело дошло до того, что командующий армией не мог передвинуть даже батальона с одного участка на другой без личного разрешения Гитлера...

К этому необходимо добавить, что после разгрома фашистов под Сталинградом так называемая пропаганда шепотом (то есть слухи, намеренно пущенные в немецком народе на-

цистскими властями) утверждала, что стратегия Гитлера была, дескать, правильной, но генералы якобы извращали ее. В свою очередь, генералы валили ответственность за свои поражения на Гитлера. Это тот случай, когда обе стороны правы.

Попав в плен, германские генералы охотно подчеркивали свою якобы «оппозиционность» по отношению к Гитлеру. На самом деле они служили ему верой и правдой. В том числе и Вейдлинг, который, несомненно, был предан фашистскому режиму не за страх, а за совесть.

Действительно, вскоре Гитлер отменил свой приказ о расстреле генерала Вейдлинга. Тем не менее слово «расстрел» незаметно для самого генерала то и дело упоминается в его показаниях. Видимо, призрак расстрела беспрерывно витал над окружением Гитлера. Палачи всегда под руками: эсэсовцы из отряда личной охраны Гитлера.

2

Мне удалось повидать этих головорезов все в тот же памятный день 2 мая. Я искал вход в пресловутое подземелье, где всю войну укрывалась гитлеровская верхушка. Мне было известно, что туда можно было проникнуть из Новой имперской канцелярии по лестнице и по лифту. Однако, когда я приблизился к этому ходу, я уже не нашел его: накануне он был разворочен нашими снарядами. Берлинцы указали мне другой ход – непосредственно с улицы.

В добровольных гидах тогда недостатка не было. Сразу же после капитуляции Берлина, как только утихла стрельба, жители высыпали на улицы во множестве. В Берлине к моменту капитуляции оставалось, по-видимому, не менее двух миллионов человек. С метлами и лопатами в руках берлинцы принялись убирать с улиц щебень и кирпич. Таскали воду из колонок, искусно лавируя между падавшими отовсюду горящими головешками. Усердно растаскивали товары из полуразрушенных магазинов. И все это многие из них делали с таким будничным, деловитым видом, точно ничего особенного не случилось, точно не произошло только что на глазах их величайшее историческое событие: пала их столица, рухнуло их государство. Что это: бесчувственность? усталость? безразличие? жажда покоя?...

Следуя указаниям берлинцев, я пошел по Виль-

гельм-штрассе и, обогнув слева здание Новой имперской канцелярии, оказался перед входом в знаменитое подземное убежище. Вход прикрывался огромной бронированной плитой. Сейчас она была в приподнятом положении, позволяя пройти вниз. Обычно во время бомбежек особый механизм опускал эту плиту.

По крутой лестнице я сошел в убежище. Открылся длинный коридор, облицованный кафелями. Он был залит ярким светом, из кранов в стенах текла вода. Странно было видеть электричество и воду в разрушенном Берлине. В этом огромном убежище – своя электростанция, водопровод, радиоузел. Все осталось в исправности. Во всю длину коридора, оставляя лишь узкий проход посередине, лежали на нарах, на койках, а то и просто на полу раненые эсэсовцы, личные телохранители Гитлера. Исподлобья смотрели они на проходивших мимо них советских офицеров. Многодневная небритость усиливала в их лицах выражение жестокости. Более обширной коллекции отталкивающих физиономий мне не приходилось видеть. Здесь был госпиталь для этих охранников Гитлера, раненных во время боя за Новую имперскую канцелярию. Некоторые из них стонали от боли в ранах. Признаюсь, их не было жалко. По коридору сновали пленные немецкие врачи и сестры с перевязочными материалами и медикаментами. Многие эсэсовцы убежали в нижние этажи убежища, и наши бойцы проникали в глубины подземелья и выковыривали их оттуда. Эсэсовцев боялись немец-

кие генералы, но не русские бойцы.

Здесь уже стоял наш пост. Командовал им капитан из комендантского управления. Он пригласил меня в свой кабинет, который еще сегодня утром был одним из кабинетов Геббельса.

– Хотите вина? – спросил капитан.

При этом он взглянул на меня так значительно, что я сказал:

– Какое-нибудь особенное вино?

– Особенное в нем то, что его будет подавать виночерпий Гитлера. Ведь вся его челядь осталась здесь.

Действительно, через несколько минут худой старик в неопрятном смокинге разливал нам скверный немецкий вермут. На лице его застыла маска профессионального лакейского подбострастия.

Я сказал капитану, что хочу пройти по госпиталю и поговорить с эсэсовцами.

– Не советую. Вы видели – их тут несколько сот. А у меня, – капитан нагнулся ко мне и конфиденциально прошептал, – шесть бойцов. Пырнет вас какая-нибудь сволочь – я даже не узнаю.

Все же я пошел. Никто меня не «пырял». Смотрели злобно, но разговаривали, и я узнал от них некоторые подробности о быте подземной резиденции Гитлера, которые я использовал в этом рассказе.

Возвращаюсь к прерванному повествованию,

3

Генерал Вейдлинг в день своего назначения, то есть 24 апреля, в 17 часов 00 минут явился к Гитлеру. Квартира Гитлера помещалась в том же подземелье и была прикрыта сверху массивной железобетонной плитой. До этого Вейдлинг видел Гитлера год назад. И вот Гитлер снова перед ним. Да, это все тот же узкоплечий, широкозадый и низколобый человек с подбородком грузным, как висячий замок, с вечно гримасничающим лицом. Он, он... И все же...

– Увидев фюрера сейчас, – говорит Вейдлинг, – я был поражен его видом. Меня потрясли перемены, происшедшие в нем. Передо мной была руина человека. Голова его тряслась, руки дрожали, голос был невнятным. С этого дня ежедневно вечером я являлся к нему с докладом о положении и обстановке на берлинском фронте. И с каждым днем вид Гитлера становился все хуже...

Как известно, Берлин капитулировал 2 мая. Но еще 1 мая наши части проникли глубоко в город.

Я видел в тот день, как наши автоматчики с ходу взяли один из берлинских призывных пунктов со всем его содержимым – призывниками-фольксштурмистами. Двор был полон ими. Кругом шел бой, когда они, чинно регистрируясь, получали винтовки и фаустгранаты, на которые они смотрели с некоторым опасением. Один из них сидел на кор-

точках перед большим мусорным ящиком и неумело малевал на нем геббельсовский лозунг; «Berlin bleibt deutsch!»¹. Самому старому из этих ополченцев было шестьдесят четыре года, самому молодому – сорок два. Прочие иронически называли его «юношей». Геббельс сформировал двести батальонов фольксштурма. Вооруженные десятью – пятнадцатью пулеметами и фаустгранатами, они располагались за баррикадами, составленными из трамвайных вагонов, наполненных кирпичами, либо попросту из срубов, набитых песком, поверх которых стояли повозки с землей. Нередко эти баррикады были обложены стальными плитами. Надежды Геббельса не оправдались. При первом серьезном нажиме фольксштурмисты разбежались. Другое дело регулярные части: те дрались жестоко. Но они были обескровлены еще в боях на подступах к Берлину.

Там же, на дворе, я поднял берлинскую газету «Моргенпост» от того же 24 апреля. К этому времени она дошла до состояния маленького листка на двух страничках. Здесь я прочел паническое воззвание Гитлера с обильным упоминанием любимого его слова «расстрел».

«Каждый, кто пропагандирует мероприятия, ослабляющие силу сопротивления, или даже просто с ними соглашается, является предателем. Он тотчас расстреливается на месте или посылается на виселицу. Так же нужно поступать и с теми, кто утверждает, что подобные мероприятия якобы ис-

¹ Берлин останется немецким! (нем.).

ходят от лица гаулейтера Берлина имперского министра доктора Геббельса или даже от лица фюрера... Адольф Гитлер».

Берлинские жители, с которыми я разговаривал, утверждали, что воззвание – одно из последних воззваний Гитлера – внесло окончательную сумятицу в умы берлинцев. Никто не знал, какому приказу властей отныне полагается верить, какому – нет. Воцарилась атмосфера всеобщего взаимного недоверия и подозрительности. Поползли слухи о том, что Гитлер – это вовсе и не Гитлер, а его двойник. Страх и паника господствовали в осажденном Берлине.

В том же номере «Моргенпост» Геббельс писал:

«Я могу констатировать, что в Берлине господствует решительный боевой дух и нет ни малейшего следа настроений в пользу капитуляции. Белые флаги не будут вывешены в столице!...»

В это время многие берлинцы тайком кроили белые флаги из простыней и нижнего белья. В большом спросе были полотенца.

Вопреки оптимизму этих казенных реляций, гитлеровская верхушка пребывала в мрачном и тоскливом беспокойстве. Сам Гитлер, по словам людей, наблюдавших его в эти последние дни, проявлял истерическую переменчивость в настроениях. От безнадежности он переходил к фантастическим упованиям на победу, с тем чтобы через минуту снова впасть в минорный тон.

В один из таких пессимистических дней, 22 апреля, он

заявил в своем обычном декламационном стиле, от которого он не в силах был отказаться даже в эти предсмертные дни, что наступает гибель империи и что он сам решил пасть на пороге Имперской канцелярии. При этом присутствовали генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, генерал-полковник Альфред Йодль и рейхслейтер Мартин Борман, приближенное к Гитлеру лицо, непосредственный руководитель нацистской партии. В народе его называли «серое преосвященство». Это – коренастый брюнет с бычьей шеей, с грубым и хитрым лицом.

Кроме того, там была скромная личность – стенографист Герхарт Гезель, молодой невзрачный человек. Он то впоследствии и рассказал об этом разговоре.

В ответ на декламацию Гитлера генерал Кейтель деликатно намекнул, что ведь это, собственно, противоречит планам самого Гитлера, которые он только вчера принял, и оглянувшись на малоразговорчивого Йодля, ожидая от него поддержки. Тот неохотно проямлил, что, дескать, да, 12-я армия генерала Венка и некоторые другие части, вероятно, еще могут изменить положение под Берлином.

Но Гитлер, пристрастившись к избранной им на сегодняшний день жертвенной позе, повторил в еще более пышных выражениях, что он умрет в погибающем Берлине – и это будет высшая служба во имя чести германской нации. При этом он выразительно посмотрел на окружающих.

Йодль коротко сказал:

– Мое дело руководить войсками, а не быть убитым среди руин.

Вышел и прямым ходом направился в квартал Гатов, где на посадочной площадке стоял четырехмоторный «Кондор», готовый к отлету.

Гитлер посмотрел ему вслед, неприятно пораженный, и это Иодль! Тот самый Альфред Йодль, который обязан ему всем, которого он из майоров вытянул в генерал-полковники в награду за знаменитый донос Иодля в 1938 году на фрондировавших тогда генералов Рундштедта, Браухича, Лееба, Бока, Листа, Клейста и других, устроивших секретное совещание, куда незаметно для них прокрался и подслушал их Иодль.

– Улетайте все, – сказал Гитлер после неловкой паузы.

Лакейтель слащаво вскрикнул, подлаживаясь под возвышенный стиль разговора:

– Мой фюрер! Если мы вас покинем, мы никогда не сможем смотреть в глаза собственным женам и детям.

– Уезжайте! – повторил Гитлер. – Уезжайте скорее! Русские могут прийти сюда через неделю. Через два дня! Через десять минут! Уезжайте в Южную Германию! Создайте там правительство! Своим заместителем я назначаю Геринга!

Это не помешало Гитлеру, со свойственной ему переменчивостью, через некоторое время, как это будет видно из дальнейшего рассказа, отдать приказ об аресте Геринга.

Кейтель не заставил больше просить себя. Он вышел из

убежища и, видимо решив, что с женой и детьми он как-нибудь поладит, помчался на аэродром, нещадно понукая шофера.

А вскоре выскользнул и тихий стенографист Гезелль. Зажимая под мышкой папки и бумаги, он бросился по Герман-Герингштрассе туда же, в Гатов. Когда свистели, пролетая, русские снаряды, он ложился на тротуар и пережидал. Потом опять бежал по пустынным улицам что было силы. Он знал, что больше самолетов из Гатова не будет. Задыхаясь, он прибежал на аэродром в последний момент и вскарабкался на самолет. Гигантский «Кондор», набитый приближенными Гитлера, поднялся над Берлином, скользнул над русскими позициями и вскоре благополучно снизился в Берхтесгадене. Здесь все пассажиры были арестованы американцами.

А 25 апреля Гитлер снова метнулся в безудержный оптимизм. В этот день генерал Вейдлинг явился к нему с очередным докладом.

Доклад был достаточно мрачен. Гитлер слушал молча, устремив глаза в железобетонный потолок, который действовал на него успокоительно.

Каково же было потрясение Вейдлинга, когда Гитлер принялся возражать ему! Гитлер не мог не знать, что еще вчера, 24 апреля, войска маршала Жукова овладели к западу от Берлина радиоузлом Науэн со всем его оборудованием и персоналом, врезались в самый Берлин, заняли в северной его части квартал Панков, в западной – квартал Тегель, в восточной – Силезский вокзал, а сегодня, 25 апреля, перерезали все пути из Берлина на запад, соединились северо-западнее Потсдама с частями 1-го Украинского фронта и таким образом завершили полное окружение Берлина.

Шла великая битва на всей площади Берлина, заставленной каменными джунглями. Наступление не замедлялось ни на один час. Эшелоны наступали беспрерывно и посменно: первый – днем, второй – ночью. Противник не имел возможности закрепляться на рубежах. За кажущимся хаосом уличных боев стояла стройная система наступления, тщательно продуманная и неуклонно воплощаемая нашим ко-

мандованием. Войска генерала Берзарина вышли к площади Александерплац, танки генерала Богданова прорвались северо-западнее Тиргартена, дивизия генерала Чуйкова и танки генерала Катуква форсировали Ландвер-канал, войска генерала Кузнецова достигли укрепленного района рейхстага с севера. Армия генерала Перхоровича обошла Берлин с юго-запада и соединилась с частями маршала Конева. Берлин был замкнут в кольцо.

А там, на западе, фельдмаршал Монтгомери и генерал Бредли со стремительностью, которой им так недоставало раньше, пустились в запуск к Берлину. Это походило на скачки без препятствий. Был в Берлине человек, который ждал их с истерическим нетерпением, – Гитлер. Бой постепенно сгущался к центру. Здесь образовался как бы остров – Александерплац, Тиргартен, рейхстаг, – бешено защищаемый гитлеровцами. На перекрестках были вкопаны немецкие танки – как доты. Из подворотен выглядывали немецкие зенитки с необычно низким наклоном стволов, предназначенным для наземного боя. Наши железнодорожники, проникшие к Силезскому вокзалу, перешли его пути. Тут же по этой колее подкатали крепостные орудия. Эти махины открыли огонь по центру. Каждый снаряд весил полтонны. Советские воины дрались с упоением, чувствуя, что заколачивают последние гвозди в гроб гитлеровского фашизма.

Гитлер знал обстановку, но его ограниченный самовлюбленный умишко не мог оценить и истолковать ее. Самона-

десятилетнее германское командование издавна страдало раздутым самомнением. За двадцать семь лет до того, в 1918 году, старый опытный генерал Людендорф накануне краха Германии в первой мировой войне заявил, что военное положение не дает оснований для пессимизма и что невозможно сомневаться, что Германия выйдет из войны победительницей. Старое прусское чванство делало германскую армию недалеким делом.

В ответ на неопровержимые доводы генерала Вейдлинга о безнадежности положения Гитлер принялся отрывочно выкрикивать, беспорядочно тыкая дрожащим пальцем в карту:

– Скоро положение улучшится. Девятая армия подойдет к Берлину. Она ударит по русским. Я приказал. одойдет также Двенадцатая ударная армия генерала Венка с запада. Она ударит по южному флангу русских. Таков мой приказ. Не все. С севера подойдут войска генерала Штейнера – удар по северному крылу русских. Вы увидите, генерал, все изменится в нашу пользу...

– Я слушал Гитлера с ужасом, – вспоминает Вейдлинг, – для меня была ясна несбыточность его планов. Девятая армия была окружена и вела тяжкие бои. Армия генерала бронетанковых войск Венка была обескровлена. Я также не верил в наличие войск у Штейнера...

Генерал Вейдлинг выразился излишне сдержанно. От армии Штейнера к этому времени остался только штаб, располагавшийся к северу от Берлина, ибо еще в марте армия эта

была наголову разбита войсками 1-го Белорусского фронта. Что касается 12-й ударной армии, то она фактически состояла из трех дивизий, укомплектованных семнадцатилетними курсантами, и именно в этот день упала на Эльбе в гостеприимно подставленные американские объятия. А 9-я армия в это время была окружена и доколачивалась нашими войсками. Вся берлинская оборона, с таким каллиграфическим усердием расписанная гитлеровскими генштабистами, разлетелась в прах. Гитлер призывал призраки.

И долго еще в эфире сновали его истерические вопли, уловленные нашими радистами: «Где Двенадцатая армия?», «Где Штейнер?», «Почему Штейнер не наступает?», «Где штаб Штейнера?», «Когда Двенадцатая начнет наступать?».

Фашистские бандиты были верны себе. Все вокруг переменялось, они одни сохраняли стиль своего существования: продолжали лгать друг другу, себе, народу, продолжали грызться из-за власти.

Прибыла по радио телеграмма Геринга. Это было 26 апреля, то есть за несколько дней до капитуляции. Об этой телеграмме Вейдлингу рассказал вновь назначенный начальник генштаба генерал Кребс, единственный, с кем Вейдлинг в этой атмосфере всеобщей взаимной ненависти сохранял приличные отношения. В телеграмме Геринг напоминал Гитлеру содержание одной из его речей в рейхстаге. Гитлер в этой речи заявлял, что в тот момент, когда он не в состоянии будет более руководить государством, он отдаст

власть и руководство Гессу, а в отсутствие Гесса – Герингу. И вот Геринг в своей телеграмме указывал, что ныне Гитлер оторван от страны и что, следовательно, он должен передать руководство ему, рейхсмаршалу Герману Герингу.

Гитлер категорически отклонил требование Геринга и угрожал ему при этом какими-то чрезвычайными мерами. Специальным приказом он передал власть в Южной Германии генерал-фельдмаршалу Кессельрингу, в северной – гроссадмиралу Деницу. По словам генерала Кребса, в ответной телеграмме Гитлера Герингу присутствовало его любимое слово – «расстрел».

Геринг был арестован, как рассказывает стенографист Гезель, эсэсовцами в Берхтесгадене. «За что, за что? – фальшиво закричал имперский маршал, разряженный с попугайной пестротой в светло-голубой замшевый мундир, красные сапоги с золочеными шпорами и фантастический головной убор. – Не я ли двадцать три года боролся за фюрера...» Толстяка потащили в тюрьму в Куфштейне... Поистине поразительное зрелище представляла собой эта свалка фашистских псов над костью, которой уже не было!

Между тем продолжалось завоевание Берлина. Пал парк Трептов, кварталы Нейкельн, Моабит. С юга Чуйков взял Темпельгоф, воздушную гавань Берлина.

Обращаясь к своим записям, сделанным в эти дни, 25, 26 и 27 апреля, я нахожу следующие строки:

«Проезжаем восточные пригороды Берлина – Бисдорф, Мальсдорф, Адлерсгоф, Карлхорст, Кепеник и другие. В дни боев мы так изъездили их, что сейчас знаем берлинские пригороды не хуже подмосковных. Красивые места: озера, сады. Все в цвету. Запах сирени и пороха. Под немыслимо пахнущей акацией стоит оружие и бьет по центру города. В брошенных немецких окопах смердят трупы. Весна и смерть. Гитлеровская империя разлагается среди благоухания цветов. Пропать народу на улицах. Берлинцы спасаются от бомбежек в пригородах. Дома здесь нетронуты. Ближе к городу – ужасающие лачуги, рабочие „дачи“, сбитые из старой жести и фанеры. Кропотные огородики, где прорастает чахлая капуста...»

«Дети клянчат: „Брот!“ Первые русские слова, которым они научились: „Кусотшек хлеба!“ Между тем на„ши коменданты раздают немцам хлеб по их старым продовольственным карточкам. Они просят еще – это жадность изголодавшихся. Кстати, тут же было замечено, что у многих немцев непомерно большое количество карточек, и выяснился любопытный факт. Оказывается, американцы бомбили Берлин не только фугасками, но и продовольственными карточками.

Они были неотличимы от подлинных берлинских. Гитлеровские власти призывали население уничтожать эти карточки. Но в конфликте между германским патриотизмом и германским желудком обычно побеждал последний. Посредством этих карточек американцы руками самих немцев подрывали продовольственное снабжение Берлина и без того скудное. Борясь с этим, берлинские власти меняли цвет и формат карточек. К чести американской разведки – уже через несколько часов летчики сбрасывали в Берлин карточки вновь введенного образца...“

«Берлинцы пристают с расспросами, набиваются услужить, льнут. Целый день трут улицы метлами, очевидно, чтобы продемонстрировать свое трудолюбие. Некоторые заявляют: „Я не немецкий подданный. У меня аргентинский паспорт“, – наивно полагая, что мы не осведомлены об аргентинских связях фашистов...»

«Из-под опрокинутого трамвайного вагона, на боку которого красуется герб Берлина – медведь на задних лапах, извлекают диверсанта-эсэсовца с фаустпатроном в руках. Он упрямо бормочет: „Начальство нам обещало, что Берлин будет сдан только американцам...“

«Заезжаем в штаб сражающейся пехотной части. Он сейчас похож на справочное бюро Берлина – столько здесь планов города, схем его водопроводной сети, канализации, электросети, городского транспорта...»

«На Франкфуртер-аллее батарея „катюш“ бьет по рейхс-

тагу своими длинными молниями...»

«Объезжаю Берлин с севера. Сворачиваю на запад: сегодня части генерал-полковника Кузнецова берут Берлин с запада. Автострада. Она охватывает Берлин почти вкруговую. Впервые я увидел ее 21 апреля. Тогда на ней было не протолкнуться: шло наступление на окраины Берлина. Сейчас все – артиллерия, танки – стремится поперек автострады, кратчайшим путем, к центру. Умопомрачительная гладкость асфальта. Две половины, каждая шириной в девять метров, посередине двухметровая посадка. Могут двигаться в обоих направлениях одновременно шесть потоков. Бледное солнце. Цветут яблони. Слева горит Берлин...»

«Дождь, как почти все эти дни, веселая, быстрая гроза. В лесу, возле реки Хавель, попадаем под бомбежку (вероятно, это последняя моя бомбежка во время войны). Немцы метят в переправу. Бомбят поспешно, все мимо. Не обращая внимания на бомбы, через реку густо движутся войска...»

«Теперь едем на восток сквозь леса Берлинервальд, Грюневальд, чинные немецкие леса, с кюветиками для стока воды по бокам тропинок и урнами для окурков. Недостает только жестяных инвентарных номерков на деревьях. Множество брошенных легковых автомашин („адлеры“, „мерседесы“, „оппели“, „вандереры“). К задкам щегольских автомобилей приделаны безобразные „самовары“ газогенераторов – бензиновый голод. Благопристойность немецкой природы нарушают баррикады из цементных и стальных плит,

аккуратно сложенные между деревьями, по большей части безлюдные. В лесу немцы сражаются вяло. Они быстро отступают на восток, в кварталы Шарлоттенбурга, под прикрытие домов...»

«На лесной поляне, залитой кровью и гороховым супом, вытащили из кустов эсэсовца. Обвисшие щеки бывшего толстяка, слезящиеся от бессонницы глаза. Он нахально передегивает плечами и говорит:

– Ну так что, что вы под Берлином? Мы тоже были под Москвой.

Из его припухших глаз глядит на мир старое прусское чванство.

Мой спутник, капитан Савельев, кидает на эсэсовца взгляд, от которого тому становится не по себе, и спрашивает:

– На что же вы, собственно, еще надеетесь?

– О! Наше командование заявило, что приложит все силы, чтобы воспрепятствовать русским захватить Берлин. Из двух зол мы выберем меньшее: сдадим Берлин американцам...

«Мы выберем!» Как будто гитлеровцы еще вольны выбирать!...»

«Генерал-полковник Кузнецов сказал:

– В метро жаркие стычки. Немцы освещают подземные туннели прожекторами и простреливают их пулеметами. Мы отказались от мысли взорвать метро, чтобы Берлин не провалился...»

«Едем все дальше на восток сквозь прирученные немецкие леса, где стоят автоматы для продажи открыток, сквозь чащи, доведенные до состояния дач. Между деревьями мелькают маленькие коттеджи, похожие на радиоприемники. На крылечках сидят немки в брюках с детьми на руках, кой-где и мужчины, посасывая пустые трубки, глазают на нескончаемый конвейер нашей боевой техники. Когда проезжают гвардейские минометы, они толкают друг друга в бок и бормочут с боязливым удивлением:

– «Катюшь!...»

«Колонна освобожденных из Каульсдорфского лагеря. Глубокий старик в скуфейке, священник Хижняков. Рядом жена. Ему 76 лет, ей 64. Зачем их угнали с родины? Он не знает. Здесь они работали по разборке руин за двести граммов хлеба в день. Как умудрились выжить?

– Крали карточки, – говорит он, – красть у врага – не грех. А две недели тому назад итальянцы попались на крупе, уж очень грубо крали крупяные карточки. Из-за них-то, из-за итальянцев, всем стало худо. Голод. Господь бог помог – прислал Красную Армию...»

«Супружеская пара: голландец и галичанка. Поженились в немецкой неволе. Он – юный и медлительный рыжий колосс. Она – маленькая, черная, живая, грациозная. Говорят на чудовищной смеси голландского и украинского. Видимо, очень любят друг друга. Счастливы, что вырвались из фашистского рабства, но полны беспокойства: неужели им рас-

ставаться? Она готова ехать с ним в Гаагу, он с ней – в Коломью...»

«Два немецких коммуниста. Освобождены нашими. Сидели семь лет. Высокие широкоплечие ребята рабочего типа. В двухцветных темно-зеленых куртках, в клоунских штанах, с яркими лампасами, – одежда немецких каторжников. Шагают в Берлин. За плечами котомки с картошкой, нарытой в брошенных огородах. Лица изможденные и счастливые. Настроены решительно. Долго приветственно машут...»

«Бельгиец Жозеф Бюик. Инженер. Высокий, гибкий, нервный. Вручную везут тележку всей компанией – девушки, старухи, еще инженеры. Разговор с ними о фашистах, сидя на обочинах берлинской автострады, в тени прохладных сосен. Наблюдая услужливость цивильных немцев, Бюик говорит с яростной убежденностью:

– Немец не знает середины. Он или подхалимничает с отталкивающей угодливостью, или стреляет в спину.

– Можно ли так отзываться о целом большом народе? Не значит ли это – самому усвоить расистскую точку зрения? У немцев есть и хорошие черты, – устало замечает пожилой человек в берете, – например: упорство, методичность, трудолюбие, организационные способности...

– О! – прерывает его бельгиец и неожиданно смеется. – Добродетели, которые вы перечислили, мосье, чисто технические, служебные. Они могут быть равно обращены и на добро и на зло. Фашисты обратили их на зло: упорство в грабежах, методичность в пытках, трудолюбие в убийствах, блестящая организация лагерной смерти... Я-то знаю нацистов. Пригляделся к ним за эти три проклятых года. Они легкомысленны, коварны, истерически капризны и крайне развращены Гитлером. Может быть, есть и другие. Не знаю.

– Мне кажется, – сказал пожилой не очень уверенно, – что

все-таки должны быть.

– Я их не видел, мосье, – сухо ответил бельгиец. – Германия полна развалин – и не только физических, главным образом моральных...»

Разговор этот я вспомнил через несколько дней, уже после капитуляции Берлина, наблюдая одну сцену в центре города. Забегая несколько вперед, расскажу о ней.

Второе мая. Александерплац. Только что Берлин сдался. Первые минуты после капитуляции. Немецкие солдаты складывают оружие. Власти уже нет и еще нет. На площади стоит огромный универсальный магазин Титца. Он разрушен, но его погреба, склады целы. Толпа цивильных немцев и немок вполне бюргерской наружности бросается грабить склады Титца. Я смотрю на это зрелище с интересом, не лишенным злорадства. Капитан Савельев очень доволен. Он собирает такие случаи. Но о его обширной и интересной коллекции невещественных реликвий я расскажу потом.

Приближается наш комендантский патруль. Им командует старший лейтенант, немолодой, подтянутый, успевший побриться и наярить сапоги, как это и полагается в столице, хотя бы покоренной.

Патруль разгоняет грабителей. Они расходятся: одни – с тем льстиво-услужливым видом, который так характерен для побежденных гитлеровцев, другие – корча недовольные гримасы. Один старик весьма буржуазного вида просто рассержен. Гнев придал ему решимость. Он подходит к старшему

лейтенанту, чтобы объяснить. Старший лейтенант говорит по-немецки. Между ними происходит следующий разговор, воспроизводимый стенографически:

Старик (*тоном благородного негодования*). Почему вы препятствуете нам разбирать склады Титца?

Ст. лейтенант. Вы называете это – разбирать? Это грабеж. Грабеж воспрещен.

Старик. Но ведь это между немцами.

Ст. лейтенант (*со сдержанной яростью, но корректно*). Грабеж воспрещен. В свое время вы грабили нас. Мы вас выгнали.

Старик (*лояльно соглашаясь*). Это правильно. Но сейчас мы грабим своих.

Ст. лейтенант. Просто потому, что больше некого грабить. (*Начальнически.*) Все равно нельзя. (*Раздельно, как ребенку или идиоту.*) Это непорядок. Грабить нельзя. Вам придется с этим примириться.

Немец обиженно пожал плечами и отошел, что-то пробормотав. Что именно – не слышно было. Но весь вид его говорил: «Ну и времена наступают!...»

Тогда-то я и вспомнил слова бельгийца о том, что Германия полна моральных развалин, и подумал, что реставрировать этого рода развалины будет труднее всего.

Возвращаюсь к хронологическому изложению событий.

Двадцать седьмое апреля. Вейдлинг является в Имперскую канцелярию для очередного доклада. Но в этот день ему не удалось повидать Гитлера. Среди его ближайшего окружения – явная растерянность. Люди о чем-то шепчутся по углам. Атмосфера скрытого скандала.

Оказалось, что из подземной резиденции Гитлера сегодня сбежал, переменив свой опереточный мундир на скромный пиджак, один из ближайших к Гитлеру людей, тридцатисемилетний генерал СС Фегелейн, представитель Гиммлера при Гитлере. Он был женат на сестре Евы Браун. У него было прозвище – Флайгелейн, что значит – грубиян. Основной чертой его была наглость – от ощущения своей безнаказанности, как фаворита и родича фюрера.

В тот же день сыщики, посланные разъяренным Гитлером на поиски Фегелейна, задержали его в одном из предместий Берлина.

Он был приведен в Имперскую канцелярию. Через день его расстреляли во внутреннем дворе.

Этот же день отмечен зверским приказом Гитлера. Он распорядился открыть шлюзы и затопить водой реки Шпрее подземную станцию метро позади Имперской канцелярии. На этой станции уже показывались патрули наших наступающих частей. В туннелях станции лежали тысячи раненых

немцев, о чем Гитлеру было известно. Они все были утоплены.

Воскресенье 29 апреля. Вечер. Генерал Вейдлинг снова является к Гитлеру для доклада. На этот раз его принимают.

Вид фюрера неузнаваем. Мышцы лица в непрерывном и непроизвольном движении. Левая рука и нога дрожат в непрекращающемся припадке Паркинсоновой болезни. Выпученные глаза остекленели. Голос еле слышен. На докладе присутствуют: Геббельс, старший адъютант Гитлера генерал пехоты Бургдорф, тень Гитлера – Мартин Борман и начальник генштаба, закадычный друг Бормана и его креатура, генерал Кребс.

Геббельс, которого Вейдлинг давно не видел, поразил его своей мертвенной бледностью. Это была бледность подземного жителя. Геббельс славился своей трусостью. Даже когда не было тревоги, он не выходил из убежища. Уже много времени никто не видел Геббельса на поверхности земли. Он вел жизнь крота.

Вейдлинг приступает к докладу, которому суждено было оказаться его последним докладом. В течение полутора часов он доказывает, что далее сопротивляться невозможно – рухнули все надежды на снабжение Берлина с воздуха боеприпасами и продовольствием.

Послышалось ответное бормотание Гитлера. Дескать, им отдан дополнительный специальный приказ о переброске в Берлин боеприпасов и продовольствия, и если завтра по-

ложение с доставкой не улучшится, то он даст санкцию на оставление Берлина и попытку войск прорваться.

Вейдлинг сказал:

– Мой фюрер, как солдат, я должен прямо сказать, что нет больше возможности защищать Берлин и вас. Может быть, есть еще возможность для вас лично выбраться отсюда?

Человек с черными усиками, с дергающимся лицом пролепетал, уставившись перед собой мутными, как у наркоманов, глазами:

– Бесцельно... Мои приказы. Их никто не выполняет...

И замолчал, поникнув. И эта лаконичность, столь необычная для этого самовлюбленного болтуна, поразила Вейдлинга больше всего.

К этому моменту в резиденции Гитлера трудно было найти трезвого человека. Пили все – генералы, адъютанты, секретарши, телохранители. Из тайников были извлечены ликеры и вина тончайших букетов. Гитлеровская свора искала успокоения в пьяном забытии. В эти дни тут же, под землей, Гитлер обвенчался с лаборанткой фотографа Евой Браун.

Следующий день. 30 апреля. Тяжелые снаряды пробивают стены Новой имперской канцелярии. Рушатся многопудовые хрустальные люстры. По залу летают бланки со штампами: «Имперский канцлер». В Мраморном зале с грохотом отваливаются глыбы порфира.

В этот день, как рассказывали мне эсэсовцы из отряда гитлеровских телохранителей, их построили в подземелье, со знаменами, во главе с их командиром, начальником личной охраны Гитлера, бригаденфюрером СС Монке. Потом появился Гитлер в штатском черном костюме, с ленточной Железного креста на лацкане. Он прошел по фронту отряда. Он держался с обычной напыщенностью, толстые ноги топали, не сгибаясь в коленях, правая рука, заметно дрожавшая, была вытянута жестом, который он считал античным. Словом, все, как всегда. Одно только необычно: Гитлер молчал. Этот истерический говорун не проронил ни слова. Почему? Потому ли, что он не хотел выдать дрожь своего голоса? Или потому – если это был не Гитлер, а его двойник, – что ему запрещено было разоблачать себя несходством голоса?

В тот же день, 30 апреля, в 12 часов 30 минут генерал Вейдлинг созывает у себя в штабе совещание командующих секторами обороны Берлина, сильно сократившимися к этому времени. Участники совещания склоняются к мысли, что

надо прорываться из Берлина. В это время на совещание входит посланец Гитлера – офицер отряда его личной охраны, оберштурмбанфюрер СС (соответствует по званию подполковнику).

При виде этого рослого молодца, гитлеровского преторианца, у Вейдлинга появилась привычная мысль. Он сказал, наклонившись к своим офицерам:

– Внимание! Он имеет приказ расстрелять меня...

Эсэсовец подает генералу Вейдлингу пакет. Это – письмо от Гитлера. К приятному изумлению генерала, Гитлер предоставляет ему этим письмом свободу действий.

Но в этот же день, часа через три, перед Вейдлингом снова предстает тот же оберштурмбанфюрер с новым письмом. На этот раз оно подписано адъютантом командира бригады СС, обороняющей Новую имперскую канцелярию. В нем Вейдлингу предписывается: 1) приостановить все приготовления к прорыву из Берлина, 2) оборонять Берлин до последнего человека, 3) с получением сего явиться к начальнику генерального штаба генералу Кребсу.

Несколько ошалевший от всех этих противоположных приказов и в изрядном беспокойстве за свою судьбу, Вейдлинг в 19 часов 00 минут прибыл в Новую имперскую канцелярию, пробравшись сквозь пылающие улицы, оглашаемые свистом снарядов.

Он пришел в кабинет Гитлера. Здесь он застал тройку: Геббельса, Кребса и Бормана.

Эта компания сообщила Вейдлингу, что сегодня 30 апреля, в 15 часов 00 минут (то есть через полчаса после того, как смельчаки из батальона капитана Неустроева водрузили над рейхстагом красный флаг) Гитлер и его жена покончили самоубийством, приняв яд и после этого для верности застрелившись. Трупы, согласно желанию Гитлера, были сожжены в саду Новой имперской канцелярии, в «Саду самоубийц».

Вейдлинг слушал разинув рот. После этого Геббельс, переменив траурный тон на деловой, объявил:

– Фюрер в своем завещании назначил правительство: президент – адмирал Дениц, министр партии – Борман, имперский канцлер – я, доктор Геббельс.

У Вейдлинга к этому моменту сложилось одно определенное желание, быть может, самое сильное, какое он имел всю свою жизнь: выжить во всем этом кровавом переполохе. И он дал себе слово выжить любым способом.

В Берлине давно поговаривали о том, что в Новой имперской канцелярии вместо Гитлера сидит его двойник. В этом нет ничего невероятного. У Гитлера до того заурядная наружность, что подобрать ему двойника или даже нескольких – нетрудно. Незатейливая смесь из черных усиков, лихого сутенерского зачеса, низкого лба и бульдожьего подбородка – черты, распространенные среди обитателей берлинского уголовного дна. Один из «трупов Гитлера» я видел 2 мая в Новой имперской канцелярии. Говорю – один, потому что всех их было, кажется шесть. Передо мной лежал человек, сильно смахивающий на Гитлера, в черном костюме, с ленточкой Железного креста. Призванные для опознания главный врач Гитлера и вся его челядь не признали ни в одном из трупов своего фюрера. Дескать, у настоящего Гитлера были сильно развиты надглазные кости (черта, между прочим, характерная для пещерного, так называемого неандертальского человека из четвертичного периода, а в наше время – свойственная человекоподобной обезьяне породы шимпанзе), отсутствовали еще какие-то зоологические достопримечательности его наружности. У всех шестерых двойников во лбу зияла дырка от револьверного выстрела. Были ли они доведены до самоубийства или их прикончили гитлеровские лейб-гвардейцы? Какая грязная драма в стиле пошлых буль-

варных романов скрывается во всей этой истории?

Поверил ли генерал Вейдлинг в смерть Гитлера? Он вообще не задумывался над этим. Вейдлинг думал не столько о смерти Гитлера, сколько о жизни Вейдлинга. Он говорит:

– Если действительно пошли на трюк с двойником, то это самый глупый и гибельный обман, на который когда-либо пукался национал-социализм.

Другой пленный генерал вполне допускал, что Гитлер скрылся.

– Вы видите Унтер-ден-Линден? Когда-то красивейшая улица Берлина, излюбленное место парадов и процессий. Сейчас – одни развалины по сторонам да обгоревшие липы и каштаны... – Он помолчал секунду, вздохнул и продолжал: – Но не в этом дело. Вы заметили, что Унтер-ден-Линден очень широка, так широка, что вполне может служить взлетной дорожкой. Так оно и было: последний аэродром Берлина. А еще совсем недавно в берлинском аэроузле было тридцать пять площадок... И вот несколько дней тому назад, а точнее – 30 апреля, с Унтер-ден-Линден поднялись двадцать самолетов и улетели в неизвестном направлении. Кто знает, быть может, на одном из них был Гитлер? Кроме того, в подземелье под Новой канцелярией есть рельсовый ход для самолетов...

Ему возражал пленный полковник:

– Я не знаю фактов, но я заключаю о смерти Гитлера чисто умозрительно. Это не человек подполья. Это человек под-

мостков. Он не может жить в изгнании, в безвестности. Ему нужны публика, прожекторы, реклама. Кроме того, он трусоват. Известно, что пресловутый Железный крест первой степени, который Гитлер якобы получил во время первой мировой войны, он просто украл или купил в смутные дни 1918 года, когда это нетрудно было сделать. Он ведь и в строю не был, он окопов не нюхал, – он был вестовым при штабе Баварского полка... Я не сомневаюсь, что, в сознании безысходности и объятый страхом, он застрелился...

Вопрос этот, вообще говоря, не имеет большого значения. И сейчас я пишу обо всем этом только для того, 394 чтобы показать, в каком уголовном смраде, в какой кровавой лжи и грязи кончался фашизм.

Перехожу к дальнейшему изложению его последних минут.

В серый облачный день 1 мая начальник генштаба, невысокий толстяк, генерал Ганс Кребс, явился к генерал-полковнику Чуйкову в качестве парламентаря.

Это было в квартале Шулленбург-Ринг, неподалеку от аэродрома Темпельгоф. Командный пункт Чуйкова занимал большой пятиэтажный дом, сохранившийся целым, хотя фасад его был весь изъязвлен осколками. Разговор происходил под оглушительный аккомпанемент артиллерии. Неподалеку шел бой за центр.

Генерал Кребс попробовал взять тон, который ему казался светским, а на самом деле звучал в этой обстановке довольно развязно. Он говорил по-русски: перед войной он был военным атташе германского посольства в Москве. Он предался воспоминаниям.

– Вы помните, генерал, – сказал он, пытаясь быть лиричным, – ровно пять лет тому назад, в этот самый день, 1 мая 1940 года, мы с вами стояли рядом в Москве на Красной площади во время парада?

– Нет, – сухо сказал Чуйков, – я не помню. Излагайте ваше предложение.

Спав с тона, Кребс пробормотал, что германское командование предлагает заключить временное перемирие. Из слов Кребса явствовало, что уцелевшие фашистские власти стре-

мятся к сепаратному соглашению с СССР. Все эти предложения были наотрез отвергнуты. Чуйков объявил, что советское командование согласно принять только безоговорочную капитуляцию Берлина.

Генерал Кребс удалился ни с чем.

Вернувшись, он нырнул в подземелье. И после этого генерал Вейдлинг снова был вызван на совещание в Новую имперскую канцелярию.

Прежде чем описать это примечательное совещание, последнюю предсмертную судорогу фашизма, посмотрим, что делалось к этому моменту в Берлине.

Берлин – город прямых улиц. Однако мы, группа военных корреспондентов, с трудом продвигались по ним: путь преграждали обвалы, пожары, воронки.

В воздухе витала жирная копоть.

Мы добрались до высоких берегов, частью каменных, частью бетонных. На том берегу – большие дома. Каждый дом – форт. Сильно стреляют. За домами – мозг правительственного Берлина, министерские здания.

Итак, эта вода, которая плещет у нас под ногами, – это действительно Шпрее! Чувство необычайного вновь сжимает сердце. Давно ли фашисты заливали радиаторы своих машин волжской водой!

На реке нарядный павильон, изорванный осколками. Качаются ялики, гички. По-видимому, водная станция.

Старшина Георгий Четвертушкин рассказывает свою разведывательную партию в этих спортивных скорлупках и плывет через Шпрее. По воде бьют пули, мины. Всплывает оглушенная рыба. Бойцы подбирают ее в котелки. На том берегу развели костры и закусили свежей берлинской рыбкой.

Выше и ниже по реке было легче переправляться. Там – моторки. Их вели моряки. Приятно было видеть на Шпрее ребят в бескозырках с надписью на околыше «Краснознаменный Балтийский флот». В сорок втором они были в ле-

нинградской блокаде, в сорок пятом они блокируют Берлин.

Мы пробирались в районы Шарлоттенбург и Шенеберг, руководствуясь отличным планом Берлина, который мы получили еще за Одером и где были напечатаны условными знаками разрушения, нанесенные Берлину воздушными бомбежками.

Положение в центре пока не менялось. По-прежнему гитлеровцы с отчаянным и бессмысленным упорством бешено защищали район Имперской канцелярии. Оборона здесь была сплошная. Немцы отступали, непрерывно стреляя из самоходок, из зениток, из 88-миллиметровых пушек, так называемых «шершней», и даже из «шмелей» – мощных полевых гаубиц.

Фаустметатели, засевши в верхних этажах, швыряли свои гранаты даже в отдельных бойцов. Из нижних этажей били пулеметчики. С чердаков – снайперы. Вообще последние дни Берлина – 30 апреля, 1 мая и даже начало 2 мая – были самыми горячими во всем периоде берлинских уличных боев.

Перекресток одного из переулков Блюменштрассе был густо прегражден всяческими препятствиями: дерево-земляным забором, рогатками, надолбами, ежами, сбитыми из рельсов. Два смежных дома были соединены немцами в один форт. Разведчики штурмовой группы, которой командовал маленький молчаливый крепыш, младший лейтенант Арсений Коньков, дознались, что гарнизон этого укрепления до-

вольно разношерстный: юнкера из берлинских военных училищ, фольксштурмисты, полицейские, зенитчики – большей частью беглецы из других, уже занятых районов Берлина.

Как всегда в уличных боях, между ними и противником не было нейтральной зоны, так называемой ничьей земли. Стороны упирались друг в друга лбами. И было очень интересно наблюдать наблюдателей – как они изощрялись, высматривая противника, а сами оставались незамеченными. Разумеется, бинокли, а тем более стереотрубы были отставлены. Действовал голый глаз: расстояние до противника измерялось метрами. Наблюдатель, старший сержант Мирон Гуревич, объемистый мужчина, с трудом втиснулся в какую-то разваленную каморку и, сжимая в своей ручище кузнеца телефонную трубку, шептал хриплым страстным голосом:

– Кroyте по угловому окну во втором этаже! Там фаустпатрончики...

Потом, после выстрела 203-миллиметровой гаубицы, стоявшей за стеной разрушенного дома:

– Порядок! Фаустникам – капут...

У Арсения Конькова и у всех четырех людей его разведывательной группы грудь и живот были белы от постоянного ползания. Противник был и над головой – на чердаках, на крышах, и под ногами – в туннелях метро, ходах канализации. На штурм этих домов первыми поползли разведчики. Смелость их несравненна. Они ворвались в первый этаж

и, действуя гранатами, кинжалами, заняли его. Путь к отступлению был для немцев отрезан. Самоходки и танки наши, стоявшие метров за четыреста отсюда, очень точно били по верхним этажам. Немцы были оглушены, ослеплены. И вскоре в облаках каменной пыли забелел обрывок простыни, привязанной к швабре. Немцы сдались. Успех этот был омрачен гибелью Арсения Конькова. Осколок гранаты разворотил ему грудь. Он лежал в углу на груде шинелей, окруженный друзьями, мальчишеское лицо его было, как всегда, задорно и чуть угрюмо. Он умирал, как и жил, молча и не жалуясь.

Весь день Первого мая прошел в жестоких боях. Праздник отмечали кто как мог. Бойцы одного подразделения целый день дрались с противником возле оперного театра. К ночи они вышибли его из последнего подвала на этой улице. Немцы отошли. Стихло. Бойцы решили отпраздновать наконец Первомай. Расположились в том же подвале, зажгли свечку, вынули еду, вино. Да вот беда – на чем все это разложить, на чем сесть?

В дрожащем, неверном свете оплывшей свечи ребята заметили большие штабеля бумаги. Обрадовались, подтащили эти объемные тюки, быстро соорудили из них стол, скамьи. И тут только разглядели, что бумага-то не простая. Кредитная!

Это были деньги. Огромное количество денег. Подвал оказался кладовой банка. Здесь были тюки немецких марок,

турецких лир, греческих драхм, болгарских левов... Бойцы на них закусили, а потом на той же валюте переспали. А с утра пошли снова в бой.

Покуда в одних кварталах шли бои, в других быстро налаживалась жизнь. Во многих районах уже были назначены бургомистры из немцев, на стенах висели наши листовки и приказы в немецком переводе, и берлинцы, собравшись толпами, читали их взасос. Тут же происходила раздача продуктов населению. Бойцы ВАД (Военно-автомобильной дороги) спешно развешивали новые плакаты. Самым распространенным из них был тот, на котором было написано, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский остается. Старые плакаты не везде успевали убирать, и я видел на улице Коперникусштрассе такую картину. Стояла аккуратная очередь немцев с кошелками. Рядом – старый плакат на тему о гитлеровских зверствах с надписью: «Папа, убей фашиста!» На фоне этого плаката немцы со счастливыми лицами получали мясо из рук бойца на питательном пункте, организованном нашим военным комендантом.

12

В этот именно день, 1 мая, генерал Вейдлинг явился на совещание в Новую имперскую канцелярию. На лифте он спустился в один из нижних этажей убежища, в кабинет Геббельса, богато убранный коврами. Здесь была та же компания: Геббельс, Кребс, Борман.

Звуки боя не проникали сюда. Завязался спор. Геббельс упорно повторял:

– Фюрер запретил капитуляцию.

Борман поддерживал его. Генерал Кребс отмалчивался. Генерал Вейдлинг кричал в сильном возбуждении:

– Но ведь фюрера уже больше нет в живых!

Не отвечая прямо на восклицание, Геббельс повторял:

– Фюрер все время настаивал на борьбе до конца...

Вейдлинг покинул совещание, повторив перед уходом, что Берлин больше держаться не может.

В этот день берлинцы были ошарашены новой ложью Геббельса. В своем воззвании от 1 мая он уверял, что с Западного фронта все войска сняты и идут защищать Берлин. Это было за день до капитуляции, и в Берлине уже не было человека, который не знал бы, что с Западного фронта не отозван ни один солдат и что они там массами сдаются в плен союзникам.

Берлинцы открыто говорили об этом на улицах, уже не

обращая внимания на призывавшие их к молчанию плакаты с надписью «ПСТ!» и изображением человека с пальцем на губах. В грохоте русских пушек разверзлись уста терроризированных Гитлером немцев.

Ни для кого не было тайной, что с Западного фронта было довольно трудно отозвать войска по той простой причине, что их там было не так уж много: против союзников действовало двадцать процентов, против Советской Армии – восемьдесят процентов всех вооруженных сил Германии. В сущности, продолжалось единоборство.

Зрительные впечатления впоследствии подтвердили это. После капитуляции Германии мы по приглашению союзников поехали за Эльбу. Мы углубились далеко на запад, до Гамбурга, Ганновера, до Рейна. Нас поразила, по контрасту с искромсанными в боях землями Восточной Германии, мирная нетронутость немецкого запада.

Разрушения в некоторых городах были делом рук авиации. Но – никаких следов наземных боев. Мы не увидели даже оборонительных рубежей, которыми немцы так густо нашпиговали Восточную Пруссию, Померанию, Бранденбург. Было похоже, что гитлеровцы оставили дверь на запад непритворенной...

Уходя из кабинета Геббельса, Вейдлинг пригласил генерала Ганса Кребса на свой командный пункт. Кребс ответил не сразу. Он допил бутылку белого вермута, к которому прирастался в последнее время, и сказал запинаясь:

– Я останусь здесь до последней возможности, а потом пу-
щу себе пулю в лоб. Думаю, что так же сделает и Геббельс.

Так Кребс и сделал. Так сделал и Геббельс. Что касается
Вейдлинга, то он больше не колебался. Он не хотел стрелять
в себя. Он не хотел, чтоб и другие стреляли в него. Он отдал
приказ по частям, оборонявшим Берлин: кто хочет и может,
пусть пробивается из Берлина, остальным – сложить оружие.

Генерал Вейдлинг заранее зачислил себя в категорию
«остальных». А другие? Общее настроение штабных офице-
ров к этому моменту станет ясным из описания совещания,
созванного Вейдлингом 1 мая в 21 час 30 минут. Это было
совещание офицеров штаба обороны Берлина и офицеров
штаба 58-го танкового корпуса, которым Вейдлинг командо-
вал до своего назначения на пост командующего обороной.
Вейдлинг заявил:

– Перед нами три пути: сопротивляться, пробиваться, ка-
питулировать. Сопротивляться – бесполезно, прорываться –
значит, даже в случае успеха, попасть из котла в котел. Оста-
ется третий путь...

Среди собравшихся не нашлось ни одного, кто бы не со-
гласился с генералом Вейдлингом.

И в ту же холодную, ненастную ночь с 1 на 2 мая наш ди-
визионный радист, сидевший в подвале неподалеку от Тир-
гартена, поймал на немецкой волне открытый русский текст:

«Алло! Алло! Говорит 58-й танковый корпус. Просим
прекратить огонь. К 00 часам 50 минутам по берлинско-

му времени высылаем парламентариев на Потсдамский мост. Оповестительный знак: белый флаг на красном фоне. Ответьте! Ждем!»

Пять раз повторился этот вопль, исходивший откуда-то из просвистанных остовов берлинских домов.

Моросило. Перила Потсдамского моста блестели. В черных водах Ландвер-канала отражалось огненное берлинское небо. Немецкий полковник, дрожа не то от сырости, не то от переживаний, вытащил из-под влажного плаща бумажку и протянул ее нашему офицеру.

Там было написано:

«Полковник генерального штаба Теодор фон Дуффин является начальником штаба 58-го танкового корпуса. Ему поручено от моего имени и от имени находящихся в моем распоряжении войск передать разъяснение. Генерал армии Вейдлинг».

Мокрый полковник пробормотал «разъяснение»: штаб берлинской обороны принял решение о капитуляции Берлина...

«Разъясняя», фон Дуффин как-то странно ежился, нетерпеливо озирался, нервно помахивал пенсне. Потом сказал несколько извиняющимся голосом:

– Понимаете... Надо торопиться... Пока не рассвело... Геббельс приказал стрелять в спину каждому, кто попытается перебежать к русским...

Наступило утро 2 мая. И тут на рассвете можно было

видеть восхитительное зрелище. Через наш передний край, стараясь не спешить, но все же делая крупные шаги, шли три немецких генерала: Вейдлинг в длинных спортивных чулках, рядом Шмидт-Данквард и Веташ. За ними шагали в ногу три немецких солдата, три гренадера, нагруженные генеральскими чемоданами.

Капитан Савельев, наблюдавший эту картину, с чувством продекламировал:

Из Германии три гренадера
В русский плен брели...

Гренадеры были в касках, хотя уже с ночи здесь не стреляли, ибо наше командование отдало приказ прекратить огонь на этом участке. Немцев спросили:

– Для чего вы еще в касках?

– У нас есть и фуражки, – несколько обиженно сказал гренадер и в доказательство вытащил из-за пазухи фуражку, – но ведь идет дождь!

В этот момент я впервые с необыкновенной явственностью ощутил, что война кончилась. Каска уже не имела для гренадера боевого значения. Она превратилась в зонтик. Но что за дьявольская аккуратность в такой драматический момент! Среди обломков своей рушащейся империи гитлеровский солдат охвачен одной заботой: как бы фуражечка не испортилась. Какая бесчувственная добродетель!

Препровожденный в штаб генерала Чуйкова, Вейдлинг был здесь допрошен.

Посреди рассказа о последних днях Новой имперской канцелярии обычная сдержанность вдруг покинула Вейдлинга. Он впал в короткую, но сильную истерику. В этом состоянии он не смог сам сформулировать приказ о капитуляции. Ему помог начальник штаба обороны Берлина полковник Ганс Рефиор, крупный, щеголеватый мужчина с моноклем и тщательно расчесанным пробором. Казалось, что забота о собственной наружности составляет главное занятие этого рослого холеного офицера.

Исторический документ этот он составил с таким профессионально невозмутимым видом, точно он всю жизнь только и делал, что сочинял приказы о капитуляции.

«Приказ по войскам Берлинского гарнизона.

2 мая 1945 года.

Солдаты, офицеры, генералы!

30 апреля фюрер покончил с собой, предоставив самим себе всех нас, ему присягнувших. Согласно приказу фюрера, вы должны были продолжать борьбу за Берлин, несмотря на недостаток в тяжелом оружии и боеприпасах, несмотря на общее положение, которое делает эту борьбу явно бессмысленной. Каждый час продолжения борьбы удлинит ужасные страдания

гражданского населения и наших раненых. Каждый, кто падет в борьбе за Берлин, принесет напрасную жертву. По согласованию с Верховным Командованием советских войск, я требую немедленного прекращения борьбы.

Вейдлинг, генерал от артиллерии и командующий обороной г. Берлина».

Нервно играя смуглым морщинистым лицом, Вейдлинг поместил под приказом свой росчерк.

Тотчас приказ был отпечатан нашими машинистками. Громкоговорители проревели его по-немецки над Берлином, уже разрозненно, но еще яростно сражавшимся.

Пока все это происходило, количество пленных на командном пункте росло. Появились и штатские. Один из них отрекомендовался:

– Советник министерства пропаганды Хейрихсдорф, ученый секретарь рейхминистра доктора Геббельса. Господин Геббельс сегодня отравился совместно с семьей. Таким образом, сейчас единственный представитель власти в Берлине – статс-секретарь господин доктор Фриче. Угодно, я провожу вас к нему? Правда, надо пройти через линию фронта. Но с вами...

С ученым секретарем отправились наши офицеры. Их сопровождал немецкий солдат. Когда они вошли в расположение противника, солдат заорал:

– Внимание! Не стрелять! Это парламентареры!

Стреляли...

Все же удалось пройти к министерству пропаганды. Там был хаос невообразимый. Мятущаяся паническая толпа. Военные перемешаны со штатскими. Из этой толчеи выделился долговязый носатый мужчина в корректном черном костюме, словно он собирался на похороны.

– Я доктор Фриче...

– Ах, это вы и есть?

– Я готов скомандовать войскам о капитуляции.

Они очень любили командовать. Если уж нельзя во время войны, то хотя бы во время капитуляции.

– Что ж, скомандуйте.

– Но, простите, как? Наш министерский радиопередатчик не действует. Разрешите проехать к вам и скомандовать через ваш?

– А вы уверены, что войска вас послушают?

– Помилуйте, господин офицер! – На лице руководителя фашистской пропаганды изобразилась обида. – Я большой авторитет в Германии, я – член правительства!

Они все были доставлены к нам – и доктор Фриче, и доктор Кригк, видный фашистский публицист, и геб-бельсовская машинистка Курцава. Услуги Фриче к этому моменту уже были излишни: немецкие солдаты сдавались массами.

Фриче был разочарован: ему так хотелось командовать...

Второго мая в Берлине шел дождь, мелкий, холодный. Он не в силах был затушить пожары. Низкие, тяжелые тучи носились над развалинами, едва не задевая красных флагов на шпилях Берлина.

С утра еще шел бой, но днем на перекрестках, как кучи хвороста, вырастали груды винтовок, сдаваемых немецкими солдатами. Мы устремились к рейхстагу. Он дымился. Хотя бойцы здесь и уняли пожар, но стены еще тлели. Рейхстаг был весь изорван снарядами. Он превратился в какие-то гигантские каменные клочья. Главный вход угадывался по очертаниям.

На стенах памятные надписи – мелом, углем или выцарапанные осколком снаряда. Самой выразительной была, пожалуй, такая. Под жирно перечеркнутым геббельсовским лозунгом «Русские никогда не будут в Берлине» было написано: «А я в Берлине. Красноармеец Панибратцев».

Я поднял камень от стены рейхстага и положил его в карман на память. Спутник мой, капитан Савельев, о котором я уже упоминал, кавалерист и разведчик, человек романтичный, не был привержен к материальным реликвиям. Он также собирал коллекции, но в другом роде. Он вынул сигару и прикурил ее от тлеющей стены рейхстага. Этот поступок и был его реликвией. Он коллекционировал необыкновен-

ные случаи, уникальные положения. Я не встречал человека, напичканного таким количеством диковинных сюжетов. Он делал из них рассказы, но только устные, очень короткие и всегда достоверные. Когда мы спустились в одну из станций берлинского метро, где только что кончился бой, Савельев порылся в кармане, извлек билетик московского метро и прилепил его к серой стене берлинской подземки. Этот случай тоже пошел в коллекцию.

Лестница в рейхстаге сохранилась. Мы поднялись по ней на второй этаж. Ступени были едва различимы под горами кирпичей и штукатурки. Мы вошли в небольшой зал. Всюду зияли бреши. Мозаичный пол был завален рухнувшим плафоном и обломками мебели. Со стен свисали клочья штофных обоев. Посреди этих каменных джунглей на полу на корточках сидел боец. Он повернул к нам лицо, испачканное пороховой копотью, и радушно улыбнулся.

– Не угодно ли? – сказал он.

Мы приблизились и увидели, что боец кухарит. Он соорудил на полу, в камнях, маленький костер из щепочек разбитой палисандровой и красного дерева мебели. На этом костре в консервной жестянке он жарил картошку, подбавляя туда кусочки жирной тушенки.

– Откуда ты? – спросил Савельев.

– Мы из деревни Лыньково Рязанской области, – ответил боец.

И хотя мы только что сытно пообедали и Савельев абсо-

лютно не хотел есть, он съел ложку дымящейся картошки, приготовленной на палисандровом костре 2 мая в рейхстаге колхозником из деревни Лыньково.

– Вкусно? – спросил боец обеспокоенно.

– Спасибо, – сказал Савельев, – чудесная реликвия...

Этот день как бы переломился надвое. Первая половина – кровавые уличные бои. Вторая – тишина, странная, непривычная уху. Весь остаток дня я бродил по Берлину, и тысячи офицеров и бойцов, так же как я, бродили по Берлину, испытывая ни с чем не сравнимое ощущение того, что достигнута цель войны, больше того – цель жизни, и понимая, что впечатления этого дня особенны и невозобновимы.

– А помните, – вдруг сказал Савельев, – лужу?

– Какую лужу?

– А в Кубинке, на передовой, где мы барахтались в ноябре тысяча девятьсот сорок первого года, шестьдесят два километра от Москвы...

В это время в соседней компании офицеров, шагавших, как и мы, по Берлину, также послышалось: «А помнишь...» Там тоже вспоминали: о боях сорок первого года за завод «Пишмаш» в Ленинграде. И вообще слова эти: «А помнишь...» – то и дело звучали на улицах, как эхо, носились по Берлину. В тот день память с особенной охотой возвращалась к пережитому. Да, было несравненное очарование в том, чтобы, шагая среди закопченных, простреленных стен Берлина, вспоминать горькую славу первых годов войны.

Дольше всего я стоял у Бранденбургских ворот. Я старался припомнить: что же они мне напоминают? Почему так мучительно и сладко щемит сердце, когда я смотрю на них?

И вспомнил: Ленинград, блокада. Нарвские ворота!

Очень похоже. Такие же классические колонны, так же выщербленные снарядами, такая же битая скульптура наверху, а вокруг площадь, так же истыканная снарядами и бомбами, и в самых воротах – такая же мощная, высокая баррикада. И немцы стояли от Нарвских ворот так же близко, как на днях наш фронт от Бранденбургских. Но немцы стояли три года, а мы несколько дней. И немцы так и не дошли до Нарвских ворот, а мы вот стоим и поглаживаем колонны Бранденбургских ворот, и Савельев говорит:

– Это жемчужина моей коллекции...

Берлин капитулировал в три часа дня. Сдался весь гарнизон – от шестнадцатилетнего фольксштурмиста до генерала артиллерии Вейдлинга. Мне пришлось читать в некоторых очерках, что генерал Вейдлинг в момент его пленения имел якобы угрюмый и злобный вид. С этим невозможно согласиться. По моим наблюдениям, наружность Вейдлинга в этот момент выражала глубокое удовлетворение. И это удовлетворение он испытывал не по каким-нибудь там высоким мотивам принципиальной убежденности или же военной целесообразности, а по причине, которую сам он излагает так:

– Хотя я и был командующим обороной Берлина, положение в кругах Имперской канцелярии было таково, что, после принятого мною решения о капитуляции, я почувствовал себя в безопасности, только оказавшись у русских...

Самый день капитуляции, 2 мая, был отмечен новой ложью Геббельса, последней ложью его. Уже немецкие солдаты складывали оружие, уже берлинские дома густо забелели флагами капитуляции и на углу Фоссштрассе и Герман-Герингштрассе я увидел старого немца, который восклицал, не обращаясь, собственно, ни к кому, а так, в пространство:

– О, как тихо! О, как тихо! Сколько лет мы не знали этой тишины!...

И, вытянув длинную, худую шею, старый немец слушал

тишину Берлина, как любимую полузабытую музыку. На его морщинистом лице было наслаждение меломана.

А Геббельс в своем воззвании, которое вышло утром того же 2 мая, писал, что «героические защитники Берлина успешно отбивают атаки русских...».

Во лжи фашизм родился, во лжи существовал он, и ложью прозвучало его предсмертное хрипенье.

В Новой имперской канцелярии, среди книг, которыми были забаррикадированы окна, было довольно много описаний грабительских гитлеровских походов: «Завоевание Норвегии», «Покорение Украины», «Победа в Африке». Немцы издавали их пышно. Какое-нибудь бандитское нападение на беззащитную Данию подавалось как новая «Илиада».

В книге «Поверженная Польша» я прочел любопытный эпиграф, принадлежащий перу генерал-фельдмаршала Кейтеля. Когда-то Германию называли страной философов. В фашистской Германии их роль заняли строевые офицеры. Кейтель писал:

«Гете сказал, что гром французских пушек в битве при Вальми изменил историю мира. Великий поэт ошибался. Историю мира изменил гром немецких пушек в сентябре 1939 года».

Этот афоризм армейского мыслителя выглядел довольно забавно в день 2 мая среди руин раздавленного Берлина.

Еще забавнее выглядел сам автор этого пронизательного соображения. Я увидел его через несколько дней тут же, в

Берлине, когда он нетвердой рукой выводил свою подпись под актом о безоговорочной капитуляции Германии.

Но об этом – в следующей главе.

II. КАК ОНИ КАПИТУЛИРОВАЛИ

1

В ночь на 8 мая я получил бумагу, которую сохраняю как драгоценную реликвию:

«Предъявителю сего, писателю Славину Л. И., разрешается присутствие и работа на аэродроме и в залах заседания на особом мероприятии, проводимом командованием 8 мая 1945 года».

В таких деликатных выражениях было обозначено величайшее историческое событие: акт подписания капитуляции Германии.

Мы, группа военных корреспондентов, несколько взволнованные предстоящим зрелищем, с утра поехали на берлинский аэродром Темпельгоф. Там мы будем присутствовать при встрече с делегациями союзников. Там же мы увидим прибытие уполномоченных побежденной Германии.

Мы жили в те дни на юго-востоке Берлина, в пригороде Кепеник, в той части его, которая теряет городской характер и переходит в дачный поселок на берегу реки Дамм. Кепеник принадлежит к числу так называемых внешних кварта-

лов Берлина. Несколько лет назад фашисты, отдавшись своей страсти к «колоссальному», включили в черту большого Берлина четырнадцать прилегающих районов, прибавив, таким образом, к шести с половиной тысячам га старого Берлина еще восемьдесят одну тысячу га нового, после чего Берлин превзошел по территории Нью-Йорк и Лондон, что дало нацистам пищу для нового хвастовства.

Кепеник сохранился целым, как и все почти внешние кварталы. Буря войны прошла по Берлину, не тронув его пригородов. Вокруг коттеджей цвели сады. Узкие улицы были полны народом. Берлинцы без конца сновали взад и вперед. Главным образом – женщины. Мужчин почти не видно было, одни старики и инвалиды. Все с корзинками.

В Берлине царил ажиотаж насыщения.

Возле продовольственных лавок, так называемых Lebensmittel, стояли очереди. Здесь происходила продажа продуктов по карточкам, организованная советским командованием. И то выражение удовлетворения на лицах берлинцев, которое нас поражало прежде всего, вызвано было двумя могучими причинами: первая – прекратились бомбежки, обстрелы, бои; вторая – появились хлеб, мясо, сахар и прочие давно не виданные в Берлине вещи.

Мы проехали до Дамм-Вег, свернули на Берлинер-штрассе. Миновали Силезский вокзал, Трептовер-парк, станцию Нейкельн. Еще несколько дней назад имена эти были названиями плацдармов, командных пунктов, огневых позиций.

Теперь – это мирные улицы, если только можно назвать улицами вулканический хаос из кирпичей, железных балок и трупов. Все же и здесь живут люди в погребах, в уцелевших убежищах.

Показались огромные каменные амбары, окружающие воздушную гавань Темпельгоф. Стены их украшены рельефными изображениями орлов – горбоносых, голенастых, с нахальным задиром головы, что делает их похожими больше на петухов. Они изваяны в лапидарном стиле грубой прусской скульптуры, которая так характерна для Берлина.

Пролавировав меж огромных воронок, меж крошева немецких самолетов, меж ангарных руин, мы вырвались на травянисто-бетонный простор аэродрома. Тут же стояло несколько больших немецких транспортных самолетов Ю-52, совершенно целых. Движение наших войск было до того стремительно, что они не успели улететь. Да и куда? Следы воздушных бомбежек мешались со следами наземного боя. И здесь еще на днях жестоко дрались.

Рано еще. Знойно. В воздухе марево. У нас в Москве такая погода бывает в июле. От бетонных плит пышет жаром, как от печки. Невдалеке домовито расположились советские истребители «Яковлевы». Вокруг – туманный силуэт Берлина. Проходит команда, назначенная в почетный караул. В траве лежит оркестр. Ему становится скучно. Для собственного развлечения он начинает играть. Бойцы пляшут в кругу. «Лезгинка», «Барыня», «Катюша» звучат под белесоватым

берлинским небом. На древках, воткнутых в землю, чуть шевелятся под вялым ветерком флаги – британский, советский, американский. Ждем.

2

В двенадцать часов дня показывается большой серебристый «Боинг». Он садится. Мы встрепнулись преждевременно. Это прибыли из Москвы чины американского посольства. Они ложатся в траву, пестреющую ромашками и одуванчиками, и включаются в томление ожидания.

Без десяти минут два с земли срываются и пулями врезаются в небо два «Яковлева». Потом еще два. И так – через короткие паузы – девять пар. Они понеслись на запад, к городу Стендаль, встречать союзников в воздухе, чтобы, окружив почетным эскортом, проводить их сюда.

Карандаши репортеров забегали по блокнотам. Все записали: «Майор Тюлькин». Так зовут летчика, который повел истребители. Он бил гитлеровцев над Сталинградом. Он бил их над Берлином. Уже не первый раз сочетаются названия этих двух городов. И не последний. В Берлине часто вспоминается Сталинград. Отсюда по непрерывной лестнице побед мы достигли Берлина.

Без семи минут два взлетают ракеты. Слышен приближающийся шум моторов. И вскоре в небе вычерчиваются «дугласы», окруженные «Яковлевыми» и «спит-файрами». По полю рассыпается армия кинооператоров. Из самолета по трапу спускается главный маршал авиации сэра Артур В. Теддер. Он представитель верховного командования экспе-

диционных сил союзников. Это высокий, худощавый человек, немолодой уже, но с юношески гибкой фигурой. Пилотка, сдвинутая набекрень, делает его еще моложе. Официально-любезная улыбка быстро сменилась на бледном лице его выражением радостной взволнованности, когда три рослых знаменосца, подняв флаги, пошли на посадочную площадку. Справа реяло американское знамя, слева – английское, посередине – советское. Туда же прошагал почетный караул.

Да и трудно было удержаться в этот момент от радостного волнения. Поймите: русские, американцы, англичане жмут друг другу руки, стоя на земле фашистской столицы, покоренной советскими воинами.

То же радостное волнение на лицах генерала Карла А. Спаатса, командующего стратегическими воздушными силами Соединенных Штатов, и адмирала сэра Гарольда Берроу, командующего военно-морскими силами союзников в Европе.

Вслед за тем из самолетов вышел многочисленный состав союзных делегаций, а также военные корреспонденты: американские – с надписью на груди «War correspondent», английские – с надписью на погонах «Pressa». Они с любопытством оглядываются вокруг и вынимают блокноты. Черт побери, они в Берлине, в самой сенсационной сегодня точке мира!

Союзников встречают генерал армии Соколовский, комендант Берлина генерал-полковник Берзарин, с его выра-

зительным, крупным, моложавым лицом под густой шапкой седых волос, генерал-лейтенант Боков и другие. Сэр Теддер подошел к микрофону. Голос его прерывался волнением. Он произнес слова приветствия и благодарности.

В это время несколько в стороне спустился еще один самолет. Сначала почти никто не заметил его: все вни- **410**

мание устремлено на встречу с союзниками. Смекнув, что это за самолет, я направляюсь к нему. Так и есть. В дверях самолета показываются немцы.

3

Они сходят на землю, строго соблюдая чины и ранги. Первым – генерал-фельмаршал Вильгельм Кейтель. Это иссохший, пожилой человек с лицом землисто-сероватого цвета. Вероятно, пересидел в убежищах. Да и весь он какой-то серый – и мундир, и лицо, и подстриженные усики под крючковатым носом. Монокль в правом глазу делает его взгляд еще более стеклянным. Мускулы лица напряжены. Общую незначительность своей наружности Кейтель пытается возместить задиром головы, вроде как у этих выщербленных орлов на ангаре Темпельгофа, на которых, кстати, Кейтель походит крючковатым носом и петушиной чванностью. В левой руке у Кейтеля – маршальский жезл, короткая, величинной с барабанную, палка с инкрустациями. Кейтель сделал жезлом каких-то три выпада, смахивающие на упражнения плохого жонглера. Между прочим, он непрерывно выпячивал эту палку. Он как бы говорил: «Вы видите, у меня маршальский жезл, обратите, пожалуйста, внимание». Это была воплощенная амбиция прусского милитаризма, несколько отсыревшая в подвалах.

Далее мы увидели генерал-полковника авиации Штумпфа, преемника Геринга по командованию воздушными силами Германии, низенького, толстоватого человека весьма заурядной внешности. Он озирался, неуверенно помаргивал.

Рядом с ним третий глава делегации – унылый, сельдеобразный генерал-адмирал Фридебург. За ними еще человек двенадцать генералов и офицеров.

Один из наших генералов приблизился к немецкой делегации. И тут – любопытный психологический момент. Увидев советского генерала, Кейтель выдавил на своем лице любезную, светскую улыбку и, делая округлые приветственные жесты, кланяясь и расшаркиваясь, семенящими шажками пошел навстречу нашему генералу. За ним, улыбаясь, с той же напряженной любезностью и деликатно притоптывая, двинулась вся немецкая делегация.

Расчет Кейтеля был ясен. Он хотел инсценировать встречу равных с равными. Дескать, это не важно, что мы побежденные, а вы победители; мы, генералы, протягиваем друг другу руки поверх армий, стран и событий.

Этот циничный расчет не оправдался. Генерал наш, окинув немцев деловитым взглядом, молвил:

– Этих двух, – при этом он указал в сторону Кейтеля и Штумпфа, – в эту машину, этих трех – сюда... -и т. п.

Лакейтель сразу поблек. На лицо его набежала смесь злобы и приниженности – выражение, которое не покидало Кейтеля весь день 8 мая.

Итак, германская делегация двинулась к машинам. Не отрываясь, я глядел на них. Они шли строем, по четыре в шеренге, соблюдая ногу, – это невероятное подразделение генералов покоренной Германии. Никто их не выстраивал в этом

порядке, они сами его приняли, подчиняясь той силе строевого автоматизма, которая владеет каждым фашистом, будь он солдат, генерал или заурядный цивильный бюргер. Они шли под охраной английских офицеров, конвоировавших их на всем пути от Фленсбурга до Берлина.

От самолета до автомашин путь был невелик – метров двести, не более. Пять минут ходу.

Немцы шли, держась с какой-то деревянной напряженностью, свойственной многим немецким военным. Они шли, позванивая шпорами, аккуратно топая лаковыми сапогами; под ногами их клубилась берлинская пыль. Это – пыль от бесчисленных разрушений, обволакивавшая весь Берлин, как туман, красновато-серая, кирпичная и алебастровая пыль войны. Гитлеровцы шли, уткнувшись глазами в землю, изредка, только на мгновение, с воровской беглостью озираясь по сторонам и тотчас потупляя взгляд, чтобы не видеть зрелища покоренного Берлина. Правофланговым в первой шеренге шел Кейтель, нервически сжимая в руке маршальский жезл.

И многое вспоминалось нам при виде этого необыкновенного шествия: и раны Сталинграда, и страдания Ковентри, и муки Ленинграда, и унижения Парижа. А они шли, машинально шагая в такт торжественным, словно сияющим звукам марша, приветствовавшего союзников.

Усевшись в машинах, немцы ждали момента отправления. И хотя они старались не смотреть в ту сторону, где про-

исходила встреча с союзниками, и стилизовали величественную неподвижность, но глаза и головы их невольно поворачивались туда, где реяли флаги и гремела музыка. Постепенно толпа корреспондентов вокруг немцев поредела. Интерес к ним исчерпан. Все понятно.

Но вот начался разъезд с Темпельгофа. И полсотни легковых автомобилей, вытянувшись блистающей вереницей, двинулось сквозь Берлин. Впереди ехали представители Советской Армии и союзников. В хвосте – немцы.

Темпельгоф расположен на юге города. Карлхорст, цель нашей поездки, – в его восточной части. Мы проезжаем значительный кусок Берлина. Особенный интерес зрелище Берлина представляет для тех, кто его еще не видел после нашей победы, – для американских и английских делегатов. Кое-где еще не унялись пожары. Местами из входов в метро – этих стандартных, неказистых станций – выбивается дым. Иногда рельсы метро выходят на поверхность и следуют на железных столбах на уровне четвертых этажей. От этого надземного пути остались только фрагменты.

Немецкие делегаты не выдержали принятого ими на аэродроме стиля монументальной невозмутимости. Они прильнули к стеклам машин. Они видят грандиозные развалины. Они видят берлинцев, убирающих с мостовых кирпичи и щебень. Вот несколько немцев роятся в руинах магазина под вывеской «Деликатесы» и что-то непрерывно суют в карманы и корзинки. Быть может, в эту минуту генерал-фельдмаршал Кейтель вспоминает свой недавний приказ, в котором он писал: «По полученным сообщениям, в эвакуированных районах Германии, относящихся к зоне боевых действий, немецкие солдаты повинны в тягчайших преступлениях по отношению к собственности немецких сограждан... Мародерство и преступления по отношению к собственным,

немецким согражданам должны наказываться самыми строгими мерами. Смертная казнь не применяется только в исключительных случаях».

Мы следуем по длинной и широкой Скалицерштрассе вдоль эстакады городской железной дороги. Она протянута над городом на высоте семи метров. Вереница машин всем своим длинным лакированным телом извивается меж ее поваленных чугунных столбов.

Пересекаем узкую грязную Шпрее по мосту, который немцы не успели взорвать.

Гертнерштрассе. И здесь толпы немцев занимаются туалетом своей раскрошенной столицы. Кое-где воспрянувшие духом владельцы пивных пытаются засветить неоновые вывески. Кипит берлинский муравейник. Люди безостановочно снуют взад и вперед. Они спешно меняют места жительства, соседей, друзей. Всеобщая перетасовка. Должно быть, многие немцы искренне рады тому, что фашизм пал. Гигантский сквозняк, поднятый нашим наступлением, вероятно, протрезвил некоторые мозги, опьяненные нацистской пропагандой. Но я не мог отделаться от мысли, что если отрезвление и захватило некоторую часть гитлеровцев, то только в самую последнюю минуту, когда их поставили на колени...

Неожиданная встреча. Длинная процессия иностранцев, освобожденных из гитлеровских лагерей. Флаги всех наций – югославские, итальянские, французские, голландские и прочие – веют над тележками, над велосипедами, над детски-

ми колясками, в которых освобожденные везут свою кладь. На столбе надпись на всех языках с указующей стрелой: «На сборный пункт советских и иностранных граждан». Немецкие делегаты отворачиваются. На другой стороне рослый негр с добрым и веселым, как у ребенка, лицом, увидев в машинах советских -офицеров, восторженно машет рукой. Немецкие делегаты отворачиваются.

Въезжаем в просторную Франкфуртер-аллею. Отсюда начинается наименее пострадавшая часть Берлина. Много целых домов. На них флаги, белые и даже красные, впрочем, с явственными следами только что оторванных свастик. Окна раскрыты. Немцы, свесившись из окон, смотрят на нашу колонну.

Да и на улице, покинув очереди у водоразборных колонок и бросив смотреть на нашу регулировщицу, на которую они не устают глазеть часами, немцы скапливаются вдоль тротуаров по пути следования наших машин. Напрасно гитлеровские генералы опускают головы или принимаются усиленно сморкаться, пытаясь заслониться от народа носовыми платками. Берлинцы узнали их. Это видно по внезапному оживлению, с каким они переговариваются и указывают друг другу на машины с немецкими уполномоченными. Я бы не сказал, что у берлинцев при этом огорченные лица.

Не все, однако, проявляют такой интерес к нашей процессии. На стенах Берлина есть магнит посильнее: приказы коменданта Берлина генерала Берзарина. Возле них – толпа

немцев. Мало сказать, что они читают эти приказы, – они их штудируют. Один из немцев оглядывается и, бросив рассеянный взгляд на Кейтеля, снова углубляется в чтение. Кейтель – это прошлое. Берлинца не интересует прошлое Германии. Его интересует ее настоящее и будущее.

Снова встреча. На этот раз идет длинная колонна военнопленных. То ли оттого, что берлинцы уже привыкли к этому зрелищу, то ли по причине какой-то нам мало понятной бесчувственности – немцы не обращают никакого внимания на своих пленных земляков. Это я наблюдал не однажды и не только в Берлине. Редко-редко какая-нибудь хозяйка выставит на обочину тротуара ведро с водой и кружку; подавляющее большинство относится к пленным немцам с поразительным равнодушием, даже не смотрит на них.

Да и сами пленные не глядят на своих свободных соотечественников, а плетутся, понутив головы. Впрочем, здесь, на Франкфуртер-аллее, многие пленные заметили в нашей колонне машины с немецкими генералами. И я видел, как пленные поднимали руки – не для приветствия, а гневно грозя своим бывшим начальникам. Это вызвало в машинах немецких уполномоченных новый грандиозный припадок «насморка».

Мы въехали на улицу Альтфридрихсфельде. Здесь много советских военных. На домах – гостеприимные вывески ВАД: «Гостиница для проезжающих офицеров», «Пункт технической помощи», «Питательный пункт», «Магазин Военторга» и т. п. Здесь также много детей. Они играли на этой широкой улице, уставленной тенистыми деревьями и подбитыми танками. Дети очень довольны, что на улицах появились такие чудесные игрушки, как разрушенные дома и сгоревшие «тигры», в которых так интересно играть.

В «Павильоне для ожидания» – деревянной резной террасе, какие ВАДы немедленно воздвигают, где бы они ни разворачивались, – сидят офицеры и бойцы, ожидая попутных машин, кто на Потсдам, кто на Франкфурт, кто на Дрезден и т. д. Молодой рослый казак посадил на колено белокурого малыша и катал его, как на коне. Маленький немец веселился, казак тоже, и они оживленно толковали на международном языке улыбок и жестов.

На этой улице воздвигнута огромная арка. Она увенчана изображением ордена Победы. По ее фронтому надпись: «Красной Армии – слава!» Это Арка Победы. Для гитлеровцев – Арка Поражения. Мы проехали под ней,

Потом мы свернули направо, на Шлоссштрассе. Сады, парки. Скоро Карлхорст. Это короткое, типичное немецкое,

тяжело набитое согласными слово прочно легло в историю.

Стремясь к точности и полноте описаний, я поспешно, на ходу, заносу в свой блокнот:

«Въезжаем в Карлхорст. Конечная остановка исторического маршрута. Душный зной майского дня. Высокая фабричная труба, выщербленная снарядом. Все же она дымится. Сады цветут. Пахнет сиренью. Проезжаем мимо продовольственного магазина. Оттуда выходит немец. Средних лет, в мягкой шляпе, в золотых очках, благообразен. Он нежно прижимает к груди хлеб, мясо, завернутое в „Фолькишер беобахтер“, кулек с сахаром. Один американский корреспондент выскочил из машины и по* просил у немца „Фолькишер беобахтер“. Увидев советских офицеров, немец снимает шляпу жестом вежливым и даже не лишенным сердечности. Путь к сердцу лежит через желудок. На одном из перекрестков Шлоссштрассе смотрю на Кейтеля. Он повернул свое пятнистое лицо альбиноса направо. Он видит надпись на доме, одну из тех, что были спешно намалеваны по приказу Геббельса в последние дни берлинских боев „Sie wollen leben, also kampf!“ („Вы хотите жить – сражайтесь!“). Кейтель отвернулся. Как часто он отворачивается сегодня! Он смотрит налево. Там на тротуаре стоит группа дюжих молодцов в сапогах, с руками в карманах, с нагловатыми лицами, с белыми повязками покорности на руках. На этот раз Кейтель не отвернулся. Он пристально всматривался в молодцов, оглядывался...»

Сую блокнот в карман, потому что машина остановилась.
Надо выходить. Мы приехали.

6

Перед нами сравнительно небольшой двухэтажный дом с четырехгранными колоннами и черепичной крышей, окруженный садом. Это столовая берлинского военно-инженерного училища в Карлхорсте, на перекрестке улиц Цвизелештрассе и Рейнштейнштрассе.

Делегации разошлись по своим комнатам. В окружении экспертов и консультантов они принялись за составление документа о безоговорочной капитуляции Германии. Он короткий, но его сжатые, веские формулировки потребовали работы целого дня.

Мы тоже работали. Усевшись в кулуарах зала, мы писали корреспонденции о Темпельгофе, о начале дня. Написавши, относили на узел связи, стрекотавший рядом, в одном из корпусов военно-инженерного училища. Через несколько часов наши первые корреспонденции были в Москве.

Был совсем короткий путь связи. В вестибюле на столе стояли два телефонных аппарата. Они были соединены непосредственно с Москвой прямым, высокочастотным проводом. Один из корреспондентов снял трубку и кричал, натуживаясь перекрыть гул разговоров и восклицаний, заполнявший вестибюль:

– Алло, я говорю из Берлина!... Разве вы не знаете, что сегодня будет подписана капитуляция Германии?... Факт! Так

вот запомните, что я первый человек, от которого вы узнали это... Часа я не знаю, никто не знает, это может быть каждую минуту, ждем... Алло! Только что прибыла французская делегация... Да, она несколько запоздала... Вот она проходит мимо меня. Во главе ее представитель французской армии генерал Делатр де Тассиньи... Высокий, черный... В общем, наружность опишите сами по фото... Фото сейчас отправим самолетом... Алло! Какая погода в Москве?... Дождь?... А здесь жара, лето... И очень кушать хочется... Столовая есть, но мы боимся отлучиться... Алло! Позвоните моей жене и передайте привет из Берлина...

Так как никто не мог сказать, когда начнется процедура подписания, мы боялись отлучиться из зала. Часам к шести мы не выдержали. Столовая помещалась минутах в пяти ходьбы. Торопливо пообедав, мы рысью прибежали обратно. Все то же: ждем. История не спешит.

Иностранные корреспонденты изнывают от желания посмотреть Берлин поподробнее. В конце концов они решились и на машинах выехали в центр. Но через полчаса вернулись: тот же страх опоздать.

Томительное безделье. Все, что до сих пор было, уже описано, обснято, накручено на пленку. Кинооператоры установили в зале свои «юпитеры», радисты – звукозаписывающие аппараты. Мы разложили на нашем столе чистые блокноты, карандаши.

Смеркается. Бесконечно курим, гуляем по длинному вестибюлю, разговариваем с иностранными корреспондентами.

Один из них, представитель американских радиовещательных компаний, бородатый, высокий, с наружностью романтического плантатора, мечтательно говорит:

– Может быть, теперь наконец мне удастся поехать в Америку.

– А разве...

– Да, я уже восемь лет не был там.

– Почему?

– Каждый раз, когда я собирался ехать домой, в Европе что-нибудь случалось. И каждый раз это устраивали фашисты. О, как они надоели миру! Подумайте, сколько времени с ними возится вся планета. Они мешают жить. Слава богу, сегодня вечером все будет кончено с ними.

В другом углу немолодой американский корреспондент развивает теорию о том, что немцы «не меняются»:

– Не верьте этой внешней покорности. На дне ее – мечта о реванше. На моих глазах это четвертая встреча с немцами после войны и вторая – с Кейтелем. Считайте сами. Первая одиннадцатого ноября тысяча девятьсот восемнадцатого года в Компьене. Вторая – двадцать восьмого мая тысяча де-

вятьсот девятнадцатого года в Зеркальной галерее Версаля. Двадцать второго июня тысяча девятьсот сорокового года – снова в Компьене...

– Как же вы туда попали?

– В тот день, – говорит он, подмигивая, – я был швейцарским гражданином.

Все смеются.

– Вот там-то, в Компьене, – продолжает он, – я и увидел впервые Кейтеля. Ведь это именно он продиктовал французскому уполномоченному генералу Хюнцингеру условия позорного для Франции перемирия. А сегодня он сам в положении Хюнцингера. Вот судьба! Да, здесь, в Карлхорсте, на окраине Берлина, – моя четвертая встреча с немцами. По красоте это, конечно, превосходит все предыдущие.

– Почему?

– Ну конечно! Немцев заставляют подписывать капитуляцию в их собственной столице. Это шикарно! Но все равно они не меняются. Я видел сегодня, как ваш казак ласкал немецкого ребенка. Многие видели это. Ну, такого маленького еще можно. Но старше десяти лет немец безнадежен. Нет, нет, не спорьте со мной. Я знаю, некоторые думают, что после поражения все немцы волшебным образом переменились, все, даже старик Кейтель. Кстати, я могу показать вам его последнее фото.

Он вытащил из кармана номер «Фолькишер беобахтер», который он недавно на улице взял у немца.

– Этот номер от двадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года, – сказал он. – Знаете ли вы, что это был за день? День рождения Гитлера! Ему стукнуло пятьдесят шесть лет. Шикарный подарочек вы преподнесли ему тогда: начало берлинской операции. Я обязательно увезу эту газету в Америку. Реликвия! Я попрошу джентльменов расписаться на газете и удостоверить, что она взята в Берлине у немца, который использовал этот праздничный номер как оберточную бумагу.

Мы развернули газету. О чем писал «Фолькишер беобахтер» 20 апреля 1945 года, в день рождения Гитлера и за несколько дней до падения Берлина?

Именинный номер имел довольно похоронный вид. Газета сократилась до двух небольших страниц. Статья ее редактора Альфреда Розенберга «День рождения фюрера во время решающей битвы» своим кислым и напыщенным тоном резко противоречила оптимистическому стилю сводки Главной квартиры. Огромная статья Геббельса истерически призывала население не бросать фюрера на произвол судьбы и обещала, что фюрер тоже не бросит «свой народ». Как раз на это место приходилось большое жирное пятно от мяса. Кроме того, там были инструктивная статья о способах приготовления чая из капустных листьев и многочисленные похоронные объявления о смерти офицеров и солдат, погибших на Восточном фронте.

Единственная иллюстрация, грязное фотоклише, изобра-

жала Гитлера, проходящего вдоль фронта солдат в сопровождении троицы: Деница, Гиммлера и нашего знакомца Кейтеля, – снова мы увидели это лицо со старческими оползнями, надутое от усилия казаться бравым.

Шум заставил нас обернуться. В зал входил маршал Жуков, окруженный делегатами. Мы быстро заняли свои места.

Стол руководителей делегаций стоял на небольшом возвышении. Это были места Жукова, Вышинского, Теддера, Спаатса, Берроу, Делатр де Тассиньи.

За длинными столами перпендикулярно столу руководителей разместились многочисленные члены делегаций и представители прессы. Места немецких уполномоченных за небольшим столом в стороне были еще пусты.

Заскрипели карандаши журналистов. Нью-йоркский корреспондент вскочил на стол и зашагал по нему в своих тяжелых бутсах. Фотокорреспонденты взбирались на подоконники, на стулья.

Жуков поднялся и в сжатых, точных выражениях объявил цель этого собрания: принять условия безоговорочной капитуляции от командования вооруженных сил Германии.

После этого ввели немецкую делегацию.

В дверях показался Кейтель. Опять он проделал эти жонглерские выпады маршалским жезлом и уселся на стул, имея по правую руку от себя Штумпфа, а по левую – Фридебурга. Прочие двенадцать членов немецкой делегации остались стоять за их спинами.

По предложению Жукова Кейтель передал главам союзных делегаций документ, уполномочивающий германскую делегацию подписать акт о капитуляции.

От глаз делегаций этот документ перешел для обозрения к корреспондентам. С интересом осматриваем его. Это – небольшая бумажка, подписанная гроссадмиралом Деницем. В угловом его штампе – любопытное исправление. Под строкой «Верховное командование» чернилами зачеркнуто слово «Берлин» и от руки бегло написано «Главная ставка». Эта «ставка» так быстро бежала, что не успела отпечатать для себя новых бланков.

Исторический документ возвращается на стол руководителей, украшенный жирным отпечатком большого пальца американского корреспондента, испачкавшегося о мясное пятно на именинном номере «Фолькишер беобахтер».

Большого простора для разговоров у немецких уполномоченных не было. Представители раздавленной Германии, они прибыли для единственной цели: подписать безоговорочную капитуляцию.

Но Кейтелю хотелось поиграть. В гитлеровской верхушке всегда господствовала страсть к театральным жестам и высокопарным выражениям.

Пока читали и переводили пункты акта о военной капитуляции, Кейтель беспрерывно рисовался. На лице его и во всей позе была рассчитанная надменность. Он сидел на стуле подбоченясь, как на коне, и старался усилить это выражение комически-торжественными манипуляциями маршальским жезлом: то он на него опирался, как на булаву, то с громким стуком брякал его об стол, то с чванным видом возла-

гал на него волосатые длани. Когда Кейтель поворачивался, все на нем искрилось – от монокля в глазу до золоченого креста где-то возле пупа. В отличном документальном фильме «Берлин», к сожалению, отсутствуют многочисленные и очень выразительные моменты, когда с Кейтеля сползала эта его изрядно подержанная, траченная молью маска надменности и обнажалась его натуральная, смятенная, перепуганная физиономия.

Соседи его держались естественнее. На лице генерал-полковника Штумпфа, с его наружностью разжиревшего колбасника, царствовала покорная скука. Генерал-адмирал фон Фридебург, командующий военно-морскими силами Германии, казался воплощением стыда и растерянности.

Временами все трое, сблизив головы, тихо ссорились. Штумпф что-то шептал Кейтелю, смотря на него ненавидящим взглядом, и казалось, что он говорит: «Что вы болтаете? Подписывайте! Тоже нашли время трепаться...»

Для того чтобы подписать акт о капитуляции, германским делегатам пришлось пройти половину зала и подойти к другому столу, стоявшему возле президиума.

Кейтель взял перо. Защелкали фотоаппараты. Долго мы ждали этого момента. Были обращены в прах сотни городов, разорены цветущие страны, убиты миллионы людей, и русскому народу понадобилось развернуться во всю свою исполинскую силу, для того чтобы наконец Германия была повержена, и этот серый человек с самодовольным невзрачным

лицом, представляющий вооруженные силы Германии, поставил свою фамилию на лежавшем перед ним листе бумаги.

Процедура подписания акта длилась довольно долго, около часа, потому что надо было подписать много листов на разных языках. Кейтель не пользовался письменным прибором, стоявшим на столе, а подписывал собственным стилем, видимо не желая оставлять реликвии. Это, впрочем, не помешало впоследствии одному из корреспондентов завладеть чернильницей, как он выразился, «на память». Все в этом зале казалось реликвией, все дышало историей.

Фридебург подписывал, услужливо склонив свое длинное тощее тело. Толстяк Штумпф подмахивал быстро, не читая.

Но вот акт подписан. Кейтель натянул перчатки, величественно надулся и сделал движение, словно собираясь начать речь.

Но маршал Жуков сухо сказал:

– Немецкие уполномоченные могут быть свободны.

Бывшие гитлеровские генералы сгрудились в дверях, снова мы увидели ту же надоевшую игру маршальским жезлом – и немцы исчезли в берлинской ночи. Солдатски топая, они удалились под конвоем в свое помещение. Так кончилась война, самая грандиозная, какую знает человечество.

Я подошел к открытому окну. И странное ощущение – какая-то пронзительная смесь счастья и небывалости – вдруг охватило меня. Я не мог понять, откуда оно идет. Я смотрел в окно и видел звезды, огни в домах, позади меня, из зала,

лились на улицу ослепительные потоки света... Ах, вот оно что! Нет больше затемнения! Вот откуда это ощущение сказочного счастья! В первый раз с июня сорок первого года я смотрю из освещенного окна в ночь. Сколько раз за четыре года я мечтал об этом моменте! И вот он пришел – в Берлине, в доме, где только что сдалась фашистская империя.